

Бастард Ивана Грозного

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Васильевич Шелест

Бастард Ивана Грозного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70089406

SelfPub; 2023

Аннотация

Наш соотечественник Александр, "рождённый заново", попадает в медвежью берлогу и переживает зиму под боком медведицы. По неизвестным причинам он быстро растёт, взрослеет и включается в "обычную" человеческую жизнь шестнадцатого века.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	28
Глава 3.	52
Глава 4.	71
Глава 5.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Михаил Шелест

Бастард Ивана Грозного

Глава 1.

Санёк присел на пенёк отдышаться, немного посидел и тихо умер. Его сердце наконец-то остановилось. Худое тело, прислонённое спиной к рядом стоящему кедру, так и нашли на пеньке. Многие, узнав о том, сказали или подумали: «Наконец-то отмучился».

Мужики, нашедшие его тело, хорошо знали его и были, по сути, его работодатели. Они пошли по его соболиному «путику» на следующее утро, как он ушёл и не вернулся, и обнаружили его не далеко от Санькиного зимовья, называемого в обиходе «средним».

Санёк на зиму нанимался «посторожить» охотничьи угодья, плату деньгами не брал, расставлял капканы и ловил соболя, делясь малой долей с хозяевами территории. Лето проводил за огородными хлопотами у себя в деревне, но, в основном, пил.

Саньке «не везло». За свои шестьдесят пять лет он раз пять попадал «под медведя», один раз повстречался нос в нос с тигром, раз пятнадцать тонул, два раза попадал под чужую картечь, один раз под пулю. По молодости он работал

лесничим и решил бросить охранять государственное имущество в девяносто восьмом году, выйдя из тюремной больницы. По выходу из Владивостокского СИЗО, он написал заявление об уходе и исчез. Потому, наверное, и дожил до декабря 2021 года.

Его не посадили за тройное убийство, посчитав его действия разумной самообороной, но ждать прихода поделщиков убиенных Санёк не стал и спрятался далеко. Аж в Воронеже. Вернее, в Воронежской области. Взял его к себе на работу давний приятель, с которым они вместе учились в лесном техникуме.

Приятель охранял знаменитый Шиповый лес и, вовремя подсуетившись, взял его в аренду, и только-только организовал «ООО «Шипов лес». Крыша у обладателя уникальной дубравы имела такую же крепкая, как и сами двухсотлетние дубы, и Саньку спрятали качественно, справив новые документы и новую фамилию.

Но Санька болел без Уссурийской тайги. Поначалу он активно помогал другу организовать и распланировать уголья под порубы и посадки, наладить производство: сначала пиломатериалов, а после 2014 года выпуск «санкционных товаров», типа паркета, мебельных досок и ещё много чего дубового. Но потом Санёк совсем закис и в 2018 году вернулся домой.

Но где был тот дом? Изба, в которой Санёк родился и прожил большую часть жизни, представляла из себя развалины.

Кое-как приподняв его и залатав крышу, Александр Викторович договорился с добрыми людьми и два сезона удачно поспособовал, но снова попал сначала под медведицу-белогрудку, а потом и в больницу с сердечком.

Он ещё попугал немного людей своим шрамом на лице, и вот его не стало.

* * *

– Ребёнка отнесём в лес, – сказал шаман старосте. – Не место такому среди людей. И... Что-то часто стали урождаться лесовики...

– Так может это от половцев или от степняков? Может ничего страшного?

– Сказано пращурами: дитя, рождённое с волосом на теле, принадлежит Велесу.

– Сгинет... А у нас и так народ никчёмный. Так и... Вырастет лесовик и почнёт стада резать. Прадед рассказывал. Прижился такой малец с волками и долго изводили они животину.

– Ни што... Авось приберёт его Велес.

Роженица смотрела на двух мужчин насупившись, но молча. Отец, стоял, понуро глядя в земляной пол жилища. В землянке было тесно и смрадно от дыма, не желавшего уходить в отверстие в потолке.

– Волков не найдём сейчас, придётся к беру подсовывать.

– Подсунем, нешто, – отмахнулся шаман и вышел на воздух.

Следом за ним вышел и староста, извиняющимся взглядом скользнув по Мокше.

– Не отдам первенца, – вдруг сурово сказала роженица, не поднимая взгляда от носков своих пеньковых чуней. – С ним вместе к беру лягу.

Мокша крикнул и вышел вслед за судьями.

– Слыш, Потап, – окликнул он старосту. – Может погодим малость? Мо быть оно само, отвалиться?

– Конечно обождём, – охотно откликнулся староста. – Метель будет. Вон, дымы как стелются. А в снежень1 сам знаешь. Дён на пять зарядит.

Он посмотрел на Мокшу и коснулся кончиками пальцев его плеча.

– Не журишь корч2. Тут ничего не поправить. Не примут люди лесовика. И так вон, гляди, попрятались, как узнали. Уйдут... Может не в зиму, так по теплу.

– Так может мы уйдём? Как пришли по весне, так и уйдём.

– Не гоже так, – посуровел староста. – Тут он родился, тут и остаться должен. Не противься богам. Сам бы первый встал, если бы не у тебя...

Кузнец стоял, опустив сильные руки перед собой, сутуло собрав крепкие плечи.

За ребёнком пришли через трое суток, когда утихла метель. Мать металась по землянке по-звериному рыча и тут же кинулась на вошедшего первым шамана. Мокша поймал

жену за руку и прижал её к себе и не удержал. Она вывернулась, попыталась прикрыть ребёнка телом, но, помешать экзекуторам не смогла и завывала.

* * *

– Это что за хрень? – Взвыл Санька, нащупав руками мохнатую стену. – Где я, млять? Что за ёж его мать?

Вокруг снова было темно. Со зрением были какие-то проблемы. Он это понял сразу, как только очнулся. В глазах плавал такой туман, что что-то разглядеть через него Санька ничего не мог. Тогда он подумал: «Всё, писец, допился», но через некоторое время понял, что пострадали не только глаза, но и всё его тело. Он не мог нормально двигаться. Руки, ноги Санька не контролировал. Как, в общем-то и процесс испражнения. Но он чувствовал, что кто-то его перемещает и обтирает.

Кормили его через соску чем-то теплым и жидким, и Сашка подумал, что это уже совсем «край».

Всё-таки нащупав «соску» руками, Санькиному воображению представилась двухведёрная клизма. Такая же мягкая и резиново упругая. Он так и не понял, из чего его кормят и скоро оставил гадания.

Само его состояние вызывало у Саньки бурю разных мысленных картинок. Тело у Саньки тщедушным не было. Он был худ, но высок. А сейчас его то поднимали, то опускали на странных кроватях-качелях, переворачивали. Его руки и ноги шевелили. Он было попытался воспротивиться, но не

справился с... Непонятно с чем не справился. С какими-то громадными руками не справился. Он даже схватился своими пальцами за что-то сарделькообразное, как толстый батон ветчины. И так же копчёным пахнувшее, кстати.

Вокруг него происходило некое действие с криками, воплями. Словно он находился в центре сражения. В конце концов его завернули во что-то меховое и понесли. Так его не однажды везли на каталках в операционные. Но тут ощущение было несколько иное.

И вот он лежит возле мохнатой, на ощупь, стены, а рядом с ним шевелиться некто и тоже такой же волосатый. Санька ощупал себя. Мама дорогая! Санька нащупал на своём животе волосы!

– Млять, млять и млять! Что за херня, – проговорил Санька.

Звуки, покинувшие его горло, тоже не понравились Александру Викторовичу. Разобрать, что он сказал конечно было можно, но с большим трудом. Саньке вдруг стало так страшно, что он громко обделался и, осознав это, громко зарыдал.

Что-то большое и шершавое коснулось его тела, перевернув его несколько раз и Санька понял, что кисловатый запах испражнений несколько уменьшился. В его лицо ударило два мощных тёплых воздушных потока, и он услышал медвежье фырканье.

Уж что-что, а медведя Санёк узнал бы на...

– Мля-я-ять! – Крикнул он и задёргался всем телом, пы-

таясь перевернуться и встать хотя бы на карачки.

Его вскрик походил на кошачье мявканье, и он снова прокричал:

– Мля-я-ять!

С правой от него стороны зашевелилось и тоже мявкнуло.

– Мля-ять!

– Мля-ять! – Застонал Санька.

– Мля-ять! – Мявкнуло справа и лизнуло его в щёку языком поменьше.

Санька попытался отпихнуть медвежью морду, но не смог, и она его снова лизнула.

«Фига себе! – Пронеслось в голове у человека. – Меня посадили в клетку с медведем! Или это сон?»

Но пахло вполне по-медвежьи. Этот запах берлоги Александр Викторович знал с детства. Со своей первой охоты на медведя.

Дед взял десятилетнего Саньку на буряка, а Санька потом долго вглядывался в глубину логова и вдыхал незнакомый тогда, запах шерсти и медвежьего мускуса. Тогда взяли и медвежонка.

«Стоп, – сказал сам себе человек. – Это берлога, а рядом медвежонок. Тогда я кто?»

Снова ощупав себя, Санька мысленно нарисовал образ коротконового волосатого существа, с человеческим и не очень волосатым лицом. Потом с трудом дотянулся до...

– Мужик! – Облегчённо сказал человек.

Справа повторили: «Му-ушик».

Санька щупал существо справа от себя и понял, что это точно медведь, но маленький. Ну, как маленький? С Саньку размером. Тот пытался с ним играть и не сильно кусаться. Легонько ущипнув медвежонка за нижнюю губу, человек нервно засмеялся.

– А я тогда, кто? Тоже медвежонок? Или человеческий детёныш? Маугли, млять!

Ему удалось перевернуться на живот, но подняться на карачки не получилось.

– Дитяtko, млин, – подумал Санька и вдруг испугался пониманию, что да, он ребёнок, причём только что народившийся. Потому и глаза не видят, и гадит, как приспичит. Кстати, на счёт погадить... Он снова почувствовал позыв и постарался сжать анус, но и на такое простое дело сил не хватило.

– Будем тренироваться, – сказал человек, ощущая, как его облизывает огромный язык медведицы и выдохнул. – Ну и ладно...

Справа от него вдруг зачмокало и запыхтело.

Санька вдруг осознал, что за большая «клизма» его кормила и как ему предстоит теперь питаться, и его едва не стошнило.

—

Александр Викторович лежал на спине и сквозь дрёму думал о своём новом житье бытёе, когда почувствовал, что

медведица лапой подталкивает его ближе к себе и пытается прижать к собственной «груди». Санька думал было воспротивиться, но его хватило только на то, чтобы схватиться обеими руками за коготь «мамаши».

Медведица не только прижала Санькино тельце к себе, но и, ковырнув его когтем, перевернула к себе лицом. Она дыхла на человека из пасти, несколько раз фыркнув, и Санька сам прижался лицом к освободившемуся соску.

Молоко медведицы слегка отдавало мочевиной, но было приятным на вкус. Переборков первую реакцию отторжения, человек отдался на волю проведения.

* * *

Так прошло несколько дней. Глаза адаптировались к темноте, тактильные ощущения обострились и Санька принялся осваивать берлогу. Он ведь не был простым младенцем. Санька точно знал, что ему было надо от своего нового тела.

Человек понимал, что только что народившийся медвежонок очень быстро опередит его в развитии и может, ненароком и играючи, ему навредить.

Поэтому Санька упорно тренировался.

У Александра Викторовича тоже когда-то имелась и семья, и сын, и он очень хорошо помнил, какой тот был беспомощный, только народившись. Александр сразу пытался начать его тренировать, сам он был хорошим лыжником, но жена с тещей, покрутив пальцем у головы, отобрали младенца и больше к нему не допускали.

Александр, наблюдая за животными, часто думал о том, что, если младенца воспитывать так, как воспитывают своих детёнышей лесные мамы, развитие ребёнка проходило бы быстрее. Не так, конечно, быстро, как у животных, но... Жена с ребёнком вскоре от него ушла, он и тогда частенько прикладывался к спиртному, и теория осталась лишь теорией.

Теперь же Санька старательно напрягал своё тело и уже через неделю встал на «четыре точки». Помогал «брательник», постоянно пристающий к нему с играми, и мамаша, частенько облизывавшая маленького человечка, а это были серьёзные физические воздействия на неокрепший детский организм.

Ещё через две недели Санька уверенно сопротивлялся медвежонку, а ещё через две, они устраивали такой кордебалет на медведице, что она стала отворачиваться от них, чтобы немного поспать.

В берлоге для меня было прохладно, но рядом с подмышкой «мамы» Санька к прохладе быстро привык, и не воспринимал её, как дискомфорт, тем более, что, когда стал ползать, нашёл кусок овчины, в котором его запихнули в берлогу. Санька осознал и это, вспомнив всё, что произошло в время короткого пребывания среди людей.

С одной стороны, он переживал, что возродился лохматым уродцем, и его отлучили от людей, а с другой стороны, Санька ведь был не обычным человеком, и как бы он мог проявить себя среди людей? Пузыри бы пускал до двух лет и

ходил под себя? А говорить? Он не знал, во сколько дети начинают говорить, а хотел говорить прямо сейчас и говорил!

Да... Брательник научился материться... У него так чётко стало получаться слово на букву «б», что Санька не мог удержаться от смеха. Сам он уже старался это слово не произносить, а медвежонку понравилось. Ещё он выучил слова: жрать, спать и... ещё одно в рифму к первым двум. Впрочем, этим только детишки и занимались под боком мамы-медведицы.

Брательник был отличным тренажёром и не обижался на отработку на нём братом двоек и троек руками по телу, а возня с медвежонком, натаскивала Александра по борцовской технике. Сам Александр никогда ни боксом, ни борьбой не занимался, но хотел. Особенно в девяностых. А тут... Живой спарринг-партнёр и куча времени.

Вставать Сашка ещё не вставал, но ползал очень быстро. Примерно в три месяца он сел на колени и впервые завалил брательника на спину.

Зажурчали ручьи и сквозь корни упавшего дерева, стали пробиваться тонкие лучики солнца. Санька несколько раз выбирался наружу, но быстро замерзал и возвращался под мамкину подмышку.

На улице он рассмотрел себя и признал, что про таких волосатых детей, каким был сам, он никогда не слышал. Главное, что на лице волос пока нет, подумал он и успокоился.

Человеческий детёныш доминировал за счёт своей сме-

калки и ловкости. Молока на двоих у медведицы не хватало и Санька так заигрывал Умку, что тот забывал о мамкиной сиське и вспоминал про неё, когда Санька первый впивался в сосок зубами. А уж если он впивался, то оторвать пальцы, вцепившиеся в шерсть, было уже невозможно. Что Умка с Санькой только не делал. Но кусать он его уже побаивался, потому что Санькина расправа была короткой и жестокой. Но высасывать всё молоко Санька стеснялся, делаясь им с братом.

* * *

Санька сидел у входа в берлогу, когда услышал потрескивание сухих сучьев под чьими-то ногами. Звук шагов приближался и Санька догадался спрятаться под нависающей над входом в нору корягой. Он удивился, но шаги приблизились на столько, что он почувствовал запах идущих. Это были мужчина и женщина. Женщина плакала. Мужской голос что-то тихо говорил. Санька не разбирал слов, но тембр голосов ему нравился. Он не вызывал тревоги.

Появившиеся перед берлогой люди настороженно остановились и стали прислушиваться, и приглядываться. Потом мужик охнул и показал на землю. Женщина упала на колени, что-то разглядывая, а потом заплакала, но не горестно, а радостно.

– Следы! Это его следы! – Вскрикнула настоящая мать, но отец зашипел на неё.

– Тихо! Вдруг она не спит?! Если выскочит, нам...

Он произнёс непонятное слова, но смысл фразы Санька понял.

Женщина стояла на коленях, прижав руки к груди и смотрела прямо на сына, но ничего не видя. Санька тоже смотрел на неё, и вдруг их взгляды встретились. Она дёрнулась, но встать сразу не смогла и показала рукой на...

– Там! – Сказала она шёпотом. – Под корягой.

Отец взгляделся, подавшись всем телом вперёд. Взгляд его заметался, но вскоре увидел и он. Мокша охнул и двинулся было вперёд, но из логова рыкнуло, и он присел от неожиданности. Медведица перевернулась в сторону человеческого детёныша. Из логова появилась лапа и сграбастала Саньку, аккуратно втащив во внутрь.

* * *

Мужчина и женщина просидели у берлоги до вечера, но ребёнок больше не появился и они ушли.

– Главное, что он жив, главное, что он жив, – повторяла мать вплоть до их жилища, не забывая, однако подкапывать землю палкой и доставать съедобные корни и клубни.

Мокша тоже, словно получив дополнительный заряд бодрости, метался от добычи к добыче. У него был лук. Он то и дело пускал стрелы и мазал редко.

Их деревенька стояла на ближайшем к дубраве берегу узкой речушки. На другом берегу зеленели озимые. От берега до берега был перекинут низенький мосток. Землянка Мокши и Лёксы стояла почти возле реки, потому что для кузни

нужна была вода. Однако для кузни нужно было и железо, а вот его-то и не было. Мокша разжигал печь только когда накапливалась работа по починке инвентаря.

Разделав и ошкурив добычу: пару куропаток, крупного дятла, трёх зайцев и двух куниц, Мокша развесил их тушки в землянке под дымоходом коптиться и занялся шкурками.

Лёкса, помыв коренья в реке, какие-то развесила под потолком, какие-то мелко порубила и бросила в небольшой глиняный горшок. Потом растёрла в каменной ступе две горсти зерна и тоже высыпала в горшок, который поставила не на огонь очага, а в некоторое углубление в его каменной кладке.

Повечеряли они остатками дневной пищи.

* * *

На следующий день Санька ждал родителей едва ли не с рассвета и издали услышал их приближение. Он сидел там же, под корягой и думал, перемалывая одну и ту же мысль. И даже не мысль, а тревогу, выразившуюся в двух словах: «что дальше»?

Но всё произошло банально просто...

Когда мать встала на колени на том же месте, Санька выполз из-под коряги и, быстро перебирая руками и коленями, приблизился к ней и уткнулся лицом в колушок. Мать осторожно взяла его на руки.

– Он тёплый, – сказала она сквозь слёзы и прижала его к себе.

Санька, стараясь не показать своё не младенческое развитие и пряча взгляд, зашарил по её телу руками. Женщина встрепенулась, развязала верёвку и выпрастала из-под кожу-ха грудь.

– Я знала... Я знала... – Говорила она, слегка раскачиваясь.

Санька был голоден и чмокал старательно. Женщина иногда чуть слышно радостно вскрикивала. Молока медведицы на двоих сосунков не хватало. Видимо она не сумела набрать нужный вес перед зимовкой. Женщина прижимала сына к груди и тихо плакала. Плакал и Мокша, молча стоявший за спиной жены.

Санька, напившись молока, блаженно уснул, но проспал недолго.

– «Как «Штирлиц», – подумал он проснувшись.

Младенец посмотрел на закрытые глаза матери снизу вверх и, ловко крутнувшись телом, выскользнул из её рук. Она дёрнулась, пытаясь поймать ребёнка, но тот уже отполз к берлоге и сел, развернувшись в сторону родителей.

В это время из берлоги выполз Умка. С его нижней губы свисала капля молока. Увидев брата, Умка треснул его лапой по спине, но Санька увернулся и медвежонок перекатился через спину ребёнка. Санька последовал вслед за Умкой и оказался сидящим у него на животе.

Мокша засмеялся. Засмеялась и Лёкса.

– Вот видишь, он здесь не пропадёт. Велес принял его. Не

зря мы отдавали ему добычу.

– Не зря, – прошептала Лёкса.

* * *

Мать медведица вылезла из берлоги, когда уже вовсю зеленела трава, а Санька с Умкой освоили ближайшие окрестности. Ну как, окрестности... Ближайшие два метра от берлоги. Причём Саньке пришлось сдерживать брата, чтобы тот не убежал дальше и не нарвался на какого-нибудь хищника.

Они с братом как раз сидели возле норы, когда оттуда появилась морда матери. Это произошло так неожиданно, что Санька едва не «даванул пасту».

– Мама дорогая! – Произнёс он, оглянувшись.

Голова медведицы была такой огромной, что едва пролезла наружу. Мать сощурилась, из её глаз потекли слёзы, и она чихнула. Ураган перевернул Саньку через голову. Медведица чихнула ещё раз и его перевернуло снова. Санька возмущённо рыкнул и подбежал к «матери». Медведица обнюхала его и лизнула. Умка заскулил и тоже получил порцию «обнимашек». Наконец медведица выбралась из берлоги полностью. Она была громадной и худой. Шкура висела на ней, как платье «три экс эль» на манекене.

Санька подсунул ей под нос пучок дикого лука, но мать лишь обнюхала его и поспешила в кусты. Санька усмехнулся. Он специально раздражил медведицу, чтобы она быстрее выдавила из себя пробку и принялась пополнять затраченные на детей ресурсы. В последнее время молока у мед-

ведицы на обеих детёнышей не хватало и Санька дозировал своё потребление, чтобы оставалось для Умки. Молока Лёксы ему бы хватило, но от молока медведицы он отказываться не хотел. Она бы почувствовала. Мать-медведица и так с подозрением обнюхивала Саньку, когда тот приползал в берлогу после общения с родителями. Да и молоко медведицы было намного жирнее и питательнее. На нём Саньку пёрло, как на дрожжах.

* * *

К следующей зиме Санька уже хорошо бегал на двух ногах и со стороны напоминал маленького мохнатого человечка с детским личиком, но с вполне себе атлетическим телом. Но он не злоупотреблял хождением на ногах и хорошо освоил передвижения на корточках.

Сначала он ползал на коленях, но вскоре приспособился так выворачивать ноги, что смог сначала прыгать, как заяц, а потом и довольно быстро бегать на четырёх конечностях.

Как-то глянув на оставляемые им на земле следы, Санька удивился. От задних ног отпечатывались только пальцы и подушка ступни, а от рук – пятка ладони и след от третьих фаланг пальцев. Он не раскрывал ладонь полностью, держа её кошачьей лапой. Его следы и напоминали следы какого-то животного из семейства кошачьих или собачьих, но отнюдь не человека.

Кисть его гнулась почти до предплечья, локти выносились в сторону, как у бульдога, но Санька развивал своё тело гар-

монично.

Медведица привыкла к Лёксе и не возражала, когда та подкармливала сына. Молоко у медведицы закончилось уже к лету. Умка перешёл на корешки и ягоды, а Санька полностью переходить на медвежью еду опасался. Александр Викторович знал, что пищеварение у медведя значительно отличается от человеческого и позволял себе лишь жевать корешки, которые выкапывала медведица. А вот ягоды он любил.

Понравились Саньке и личинки некоторых насекомых, особенно личинки пчёл и мух. Добывались они по-разному, но Санька привык и его это не останавливало. Однако тухлятину он не ел и Умка был благодарен ему за это.

Умка к зиме весил уже килограмм пятьдесят и Санька перестал абсолютно доминировать в борьбе, побеждая лишь ловкостью. Завалить Умку он не мог, а вот оседлать – за нефигделать. Он заскакивал медвежонку на спину, вцеплялся в шерсть и катался на Умке до тех пор, пока тот не заваливался на спину. Но Санька ловко соскакивал и уворачивался от захвата.

Надо сказать, что ногти у Саньки окрепли от постоянного соприкосновения с землёй, выросли и тоже стали грозным оружием. Он изредка подтачивал их на камнях, и пользовался ими умело. Со зверями быть, по-звериному жить понимал Санька, и не давал Умке спуска, когда тот пытался огрызаться и «быковать». Но в общем-то жили человек

и медведь дружно. Да и мать-медведица, видимо догадывалась, что приёмыш не совсем медведь, и в обиду не давала.

* * *

Вторая зима прошла спокойнее. Мать медведица с нашей помощью расширила и углубила берлогу. Санька проявил человеческую смекалку и опыт и превратил общее жилище в хоромы. Как и прежде медведица была дверной створкой, но Санька, на всякий случай, сделал для себя запасной выход, заткнув его мягким мхом.

К этому выходу и приходила Лёкса, продолжая кормить сына грудью.

Люди не могут не двигаться долго. В отличие от медведей, у человека запросто могут образоваться пролежни, если он будет долго лежать в одной позе. Вот Санька и не лежал, устроив в берлоге что-то типа спортзала. Для годовалого младенца места вполне хватало.

Мать-медведица почти не просыпалась, ворочаясь с боку на бок. Умка тоже дрых без просыпу. Саньке было скучно, и он повадился охотиться за белками и зайцами.

Собрав по берлоге мягкий медвежий подшёрсток, Санька скатал из него довольно прочную верёвку. Используя найденный летом шершавый камень, на котором он подтачивал свои когти, Санька сделал веретено и методом проб и ошибок научился свивать нити, а из них и сплёл верёвку.

Что такое силки Александр знал не понаслышке. Он и сам часто использовал их раньше, правда из «нихромовой» про-

волоки, а верёвку самолично сплёл впервые и был горд этим.

По снегу босиком Санька бегал, но только в тёплую погоду. Лёкса связала ему чуни, но Санька их не любил. Он сам сплёл себе снегоступы из заготовленного летом ивняка и ловко бегал по сугробам, расставляя силки на зайцев и на рябчиков.

За лето он не только набрался витаминов, но и сделал себе заготовки на зиму: грибы, ягоды, вяленое мясо. Он надрал с упавшей и гнилой берёзы коры и соорудил из неё и веток что-то, похожее на шалаш и развесил в нём своё богатство: ветки калины, рябины, палочки с нанизанными на них грибами.

Шалаш Санёк пристроил к берлоге и прикрыл его ветками, чтобы не напугать родителей. Мокша и так поглядывал на сына едва ли не с ужасом, видя, как тот бегают и лазает по деревьям. А встречаясь случайно с взглядом сына, сразу отводил глаза. Он ни разу ещё не взял Саньку на руки, а тот понимающе про себя вздыхал. Мать ничего не видит, кроме своего ребёнка: ни его ущербности, ни его отличий от других. Для Лёксы Санька, не смотря на свою волосатость и не младенческую предприимчивость, был идеалом.

Лес, в котором обитал Санька, не был Уссурийской тайгой. Таких высоких деревьев в Приморье сроду не было. Хотя... Как понимал Санька, возродился он в теле младенца где-то в средних веках, судя по одежке родителей, а в средние века и в Приморье могли расти деревья-великаны. Но

вряд ли жили русичи.

Дубрава напоминала ему Шипов лес, и он так для себя и решил, что перенёсся в Воронежскую область. Он вспомнил, как однажды наткнулся в дубраве на медведицу с двумя медвежатами и вынужден был её убить, спасая себя. Медвежата убежали и так и не выжил. Александр Викторович знал это точно и долго переживал.

«Вот и наказал меня лесной бог», – решил Санька и перестал думать о том, где он и в какой эпохе. Всему своё время. Не дорос он ещё...

Его, по-детски короткие ножки, по-настоящему бегать не могли, но семенил он на них двоих достаточно быстро. Физически он чувствовал себя очень неплохо. То ли молоко медведицы содержали блокаторы миостатина – подавителя роста мышечной массы, то ли он действительно был не совсем человек, но мышечная масса у Саньки к полутора годам выросла солидная.

Ел он сейчас много, но не толстел, расходуя энергию полностью. Жирок, конечно, на его теле присутствовал, как без него голым зимой? Однако под жировым слоем собирались очень солидные мышцы. Своим видом он напоминал обычного очень крупного младенца.

Александр Викторович имел высшее образование и не был отсталым человеком. В «советское время» он выписывал и читал много газет и журналов. Даже «Химию и жизнь». Да и в «продвинутое время» не чурался интернета. Про ма-

лышей – качков он читал, но долго считал, что это прихоть родителей, заставляющих своих детей «развиваться».

Писали, например, что один циркач-силовик своему новорождённому сыну привязывал к рукам и ногам гайки. Сын стал выступать на арене цирка с полутора лет, держа свой вес на руках и выполняя «параллельный шпагат». И это в советское время и в СССР.

Потом, уже в двухтысячных, он как-то в интернете наткнулся на статью про оставшегося в США без родителей ребёнка, который уже в пять месяцев точно так же удерживал на руках собственный вес, а в девять месяцев спокойно передвигался ногами по лестнице. В три года он выступал на турнире «Самый сильный младенец».

То есть таких, как этот крепыш в США было немало!

Оказывается, что у многих малышей-силачей в организме не хватало миостатина. Есть, оказывается в человеческом организме и такое вещество. На основе блокаторов миостатина учёные пытались разработать препарат для спортсменов, но наткнулись на серьёзные проблемы. Оказалось, что наличие «непереваренного» миостатина сильно мешало здоровью человека. Потом эти исследования засекретили и препараты влияющие на миостатин исчезли.

Санька вспомнил про этих богатырей, когда сам стал замечать, как быстро он набирает мышечную массу. Правда он высасывал медведицу едва не досуха. Санька потом понял, что это не у медведицы не хватало молока, а «просто кто-то

много ест». Ест и не толстеет.

Опираясь и на эти воспоминания, Санька без опаски грузил своё новорождённое тело «по полной». У него не было «груды мышц», потому что он не «качался». Он просто много двигался: бегал, прыгал и лазил по деревьям.

Сенька не показывал родителям ни своих навыков, ни добытых трофеев, но Мокша изумлённо поглядывал на вытопанную снегоступами территорию. По некоторым следам он прошёл, и как Санька не путал их, нашёл и силки на зайцев, и попавшего в петлю в осиннике рябчика. До осинника было приличное расстояние, и вернувшись к жене, сладострастно кормившей ребёнка грудью, Мокша молча показал рябчика ей и со страхом посмотрел на сына.

– Кто-то охотится здесь, – сказал он. – Однако, следы в деревню не ведут, в дубраве теряются.

Лёкса приложила палец к губам и «цыкнула» на мужа.

В этот день Санька «в первый раз» сказал слово «мама» и родители сразу всё забыли. То, что их ребёнок разговаривает по-людски снимало многие препоны возможного возвращения его в общество.

По дороге в деревню Лёкса молчала, а скинув в землянке верхнюю одежду, сказала:

– Мы возьмём его в примачи.

– Как это? – Не понял муж.

– Скажем, что решили взять чужого... У твоего Кавала

много детей?

– Трое...

– А у Микая?

Мокша пожевал губами.

– Много...

– Вот у него и возьмём, – сказала жена.

– Кто ж тебе даст-то? – Удивился муж.

– А мы и спрашивать не будем. Скажем, что их сын и всё.

До Мокши наконец-то дошёл смысл каверзы, задуманной Лёксой, и он заскрёб волосы на затылке.

– Так это... Надо ж к нему идти?

– Вот Сарант³ потечёт и мы сплаваем до твоих родичей.

– Так, это... Туда махать и махать... К зиме токма вернёмся...

– Глупый ты у меня, – сказала Лёкса, потрепав пальцами мужнюю шевелюру. – Мы в дубраве сховаемся. В берлоге медвежьей. Всё одно медведица там не живёт летом. К нам она уже привыкла, а Ракшай⁴ там и жил почти всё тепло. Помнишь, как мы от дождя там скрывались и пришла Парав⁵... И ни чего. Рядом легла.

Мокшу вдруг осенило, что жена придумала очень добрую каверзу и развеселился. Он схватил Лёксу и едва не стукнул головой о бревенчатый накат потолка.

– Оставь, дурень, расшибёшь, – засмеялась она, но Мокша повалил её на лежанку и стал сдирать с неё одежду.

– Точно дурень... Дурус... – Шептала она. – Падурус⁶.

Глава 2.

После первого сказанного слова, Санька себя почти не сдерживал. Ребёнок «умнел» не по дням, а по часам. К концу зимы в Санькином словаре имелось около ста слов, с помощью которых он вполне сносно общался с родителями.

Санька понимал, что чересчур форсирует события, но удержаться не мог. Родители подумали-подумали, и решили, что лучше вообще уехать от этой деревни подальше. Кого бы они не привели в дом, соседи постоянно будут за ними приглядывать и обсуждать. А так, глядишь, и вырастет мальчонка тихим сапом. Голым ходить не принято, а в одежде он от обычного человека и не отличается.

Посёлок, где жили родичи Мокши был побольше этого и стоял в устье Саранта при впадении его в Дон.

Когда Санька услышал от родителей это слово, у него потеплело на душе. Места знакомые и русские. Правда, в средние века не очень спокойные. Но, как говорить, покой нам только снится... Где и когда на Руси было легко?! – Подумал Санька.

* * *

Всю третью зиму Мокша долбил чёлн. Соседи шушукались. Подходил староста и затевал разговоры на разные темы, но Мокша отвечал скупой, взгляд отводил. Спросить напрямки Потап не решился. Слишком суров был Мокша в

своей работе.

Но Мокша не сердчал на Потапа. Уже не сердчал. Просто он был такой... Уж коли сосредоточится на деле, то лицом становился сердит. А в кузне своей так порой помощников отходит под горячую руку, что те сторонятся его потом и долго не соглашаются в помощь идти.

Силёнкой бог Мокшу не обидел, и берёза под инструментом кузнеца таяла, как воск, принимая нужную форму. Дно чёлна мокша перестелил дубовыми досками, положенными поперёк на выдолбленные в бортах пазы. Под доски в центр чёлна насыпал галечник с песком, а рядом уложил железные заготовки и ненужный инструмент.

Чёлн вышел добрый. Лёгкий, вёрткий и устойчивый.

Из посёлка ушли, переждав «большую воду». Санька слышал разговоры родителей и усмехался. Почва здесь была особая, рыхлая, и вода уходила в неё, как в песок, что после дождя, что после таяния снега. С половодьем в Приморском крае точно не сравнить, где под тридцатью сантиметрами грунта лежала глина. А то и вовсе в пяти сантиметрах. Там текло, так текло. Вроде и дождь, так себе, а всё плывёт, и дома, и камни, и деревья, и посевы.

Инструмент Мокша уложил на дно чёлна, невеликий скарб вперёд, жену – назад под небольшой дерюжный навес, и, не прощаясь ни с кем из селян, отчалил. Они отплыли от деревни, оставили чёлн среди ветвей ивы в топкой заводи, и прокрались в дубраву к берлоге. Санька-Ракшай ждал внут-

ри и вылез только по зову матери.

С собой Ракшай имел котомку, связанную Лёксой, с остатками зимних припасов, переданных ему родителями и детский лук в колчане, изготовленный отцом. Но детским он был только до того, как попал в руки Ракшая. Санька укрепил древяшко, обновил струну и сейчас это был вполне рабочий охотничий инструмент. На Ракшая надели свободную рубаху из домотканого полотна и понесли к реке.

Чёлн никуда не делся. Мокша облегчённо вздохнул-выдохнул. Они снова погрузились в лодку и, весело переговариваясь, поплыли.

Санька, дав матери немного потискать себя, сбежал к отцу. Тот стоял на дне лодки чуть ближе от центра у корме и правил шестом.

– Накось, подержись за правило, – сказал Мокша.

Сын улыбнулся и вцепился в гладкую палку. Потом посмотрел на отца и потянулся другой рукой за его поясным ножом. Не кинжалом, или рабочим, а за «резным», как его называл Мокша.

На поясе у Мокши висело три ножа: охотничий обоюдоострый кинжал, рабочий нож и маленький, так называемый, грибной.

– Дай, – попросил Санька.

Мокша покачал головой.

– Нельзя, – сказал он. – Больно. Огонь – больно. Нож – больно.

– Можно, – усмехнулся Ракшай и достал из колчана плохо заточенные на камне стрелы. – Надо делать больно.

– Острый, – поправил машинально Мокша.

– Острый, – согласился Ракшай. – Острый – больно.

Малыш показал, как он натягивает тетиву и отпускает стрелу. Потом закрыл глаза и сказал, раскинув руки: «А-а-а-а».

– Острый – хорошо, – сказал малыш уверенно. – Дай.

Мокша посадил сына на скамью, оглянулся на Лёксу, та, откинувшись на лежанку, спала, и вложил в его ладонь рукоять ножа.

С удивлением Мокша смотрел, как полуторогодовалый сын аккуратно потрогал острие и кромку ножа большим пальцем и приладился строгать наконечники стрел. Санька действовал нарочито неловко, но грамотно пряча от ножа пальцы. После каждого движения ножом он трогал кончик стрелы и недовольно кривился. Зато после того, как остриё стало острым, малыш радостно завопил:

– Острый.

– Что там у вас? – Раздался голос матери, и Мокша приложил палец к губам.

– Нельзя, – сказал он сыну, а Лёксе, – Спи-спи... Это мы рыбу испугнули.

– Смотри, чтобы сын в реку не свалился, – едва слышно проговорила Лёкса.

– Смотрю.

Мокшу сильно удивляло несвоевременное развитие сына, но для него он был не просто его сын, а ещё и сын Велеса. Как это происходило, он не понимал. Это шаманы знают, а ведуны – ведают, кто из детей какому богу предназначался. Вот он, Мокша, предназначался одной из сущности Сварога – огневой, потому и пошел сызмальства на обучение к кузнецу. Так сказали ведуны. Сызмальства и дар видеть металлы в нём проявился. Мокша не задавался вопросами. Он просто знал, так надо. Так было, так есть и так будет всегда.

Детей Велеса он никогда не видел. Все они пропадали в лесу, хотя волосатыми нарождались часто. Слышал он и давние предания о сынах Велеса, вернувшихся к людям. Но ведуны сказывали, что не приживались они среди людей, так как речи людской не понимали. Но его сын очень хорошо разговаривал на людском языке и был очень сообразительным, а по годам ли, нет ли, Мокша не понимал, да и не до того ему было.

Взрослые в этом мире вообще мало занимались малолетками, отдавая их на попечение более старших, и не обращали внимание на то, как ребёнок взрослеет. Может помочь по хозяйству, значит вырос. Потому уже двух, трёхлетние выполняли посильную работу.

Для Мокши сын родился, потом жил в семье медведицы, теперь живёт с ним. А сколько прошло времени, Мокша не задумывался. Он был кузнец и житель времени, где каждый прожитый день, это уже целая жизнь, поэтому мысли его бы-

ли просты и ежеминутны. Он не думал ни на перёд, ни назад.

И вот сейчас, видя, как его сын управляется с ножом, он только радовался, понимая, что в случае чего тот сможет нож и в живот врагу сунуть, а острой стрелой глаз залепить. Подумал о том Мокша и сразу забыл, вглядываясь в уходящую вдаль реку.

– Вот же ж... – Сказал он, витиевато выругался и направил чёлн к берегу, но их заметили.

Санёк витиеватости выражений отца уже немного выучил и сам всмотрелся вперёд. Река особо не виляла и просматривалась метров на сто. И вот на этих ста метрах Мокша, а потом и Санёк разглядел причаленные к берегу лодки и солидный табор.

Мимо деревни никто не сплавлялся, значит эти поднимались снизу, от Дона. Подниматься могли и свои и чужие. И тут Санька услышал...

– Э-эй, любава! – Крикнул Мокша. – Казаки!

Это слово прозвучало для Лёксы, как кнут. Она подскочила и заметалась, было спросоня, но поняв, что находится в чёлне, остановилась и коротко спросила, выхватывая нож:

– Где?!

Санька попутал... Для него казаки – положительная история и традиции, а для нынешнего русского народа, вроде не очень... Тут Санька вдруг вспомнил, что не все даже в двадцатом веке добром поминали казаков. А кто-то даже хотел извести их под корень...

– А как же твои, на Доне? – Спросила Лёкса.

– Знамо, как... Дань с них взяли и всё... Токма мы сѣдня в одного плывѣм. Мы вне кона. Они к нам своё правило и применяют.

– Вертаем взад? – Спросила Лёкса.

Мокша покрутил головой.

– Не успеем. Не выгребем. Я лопаты⁷ не взял. Да и увидели нас. Нагонят.

– И что делать будем?

Мокша пожал плечами, прижал лодку к берегу и потянул её вверх по течению, подыскивая схрон, но ни зарослей рогаза или осоки, ни кустов, ни деревьев не было, и Мокша тянул и тянул лодку вверх по реке.

– Сына могут забрать, – буркнул он.

Дубрава виднелась далеко и добраться до неё, не оставив следов не представлялось возможным. Санька тоже при молк, соображая, что делать.

– Прячься, – вдруг сказал Мокша сыну и показал на траву.

Санька схватил колчан, выпрыгнул из лодки на берег и скрылся в высокой для него поросли прибрежной травы.

– Ракшай! – Вскрикнула Лёкса и сама себе закрыла рот ладонями, увидев приближающийся чѣлн.

Мокша подошел к корме и обнял жену прямо через борт.

– Не бойся. Он не пропадѣт, если что.

– Мой маленький Шурал⁸, – сказала Лёкса и из её глаз потекли слѣзы.

Мокша одной ладонью гладил голову жены, а другой рукой отвязал пустые ножны «грибного ножа» и повесил на куст ракиты.

Чёлн с пятью казаками поравнялся с ними. Стоявший на носу крикнул:

– Кто такие?

Багры попытались вцепиться в лодку Мокши.

– Ну-ну! Не балуй! – Замахнулся шестом Мокша и одним махом сбил оба багра в сторону.

– Ну ка, сам не балуй, а то с самопала стрельнём.

Двое «дальних» казаков положили самопалы на плечи передних товарищей.

– Берегись! – Крикнул главарь банды. – Ну ка, руки горе!

Мокша положил шест в чёлн и подняв руки, вздохнул.

– Кто такие? – Повторил вопрос старший.

– Селяне мы с Нижней Дубровы, – сказал Мокша. – Перебираемся к родичам на Дон.

– Что за родичи?

– Мокшане... Кавал да Микай.

– То братья твои? – Спросил старшой, хмурясь. – А тебя как зовут?

– Мокша.

– Мокша Мокшанин? – Усмехнулся казак.

– Так кличут иногда, – буркнул Мокша. – Вообще-то, я Мокша Коваль.

– Коваль? – Казак рассмеялся. – То добре! Плыви за нами!

Да не балуй, гляди... Отваливай, братцы!

Кзаки дружно махнули вёслами. Их чёлн, в два раза больший по размеру, чем чёлн Мокши и Лёксы имел мачту и, свёрнутый в трубу на корме парус.

Санька наблюдал за чёлнами из травы и прикинул, что у него в дубраве растут деревья, из которых можно выдолбить судно и побольше. Причём, не только дубы. В ней встречались и многоохватные липы, и тридцатиметровые ясени. «Интересная дубрава, могучая» – подумал Санька пробираясь вдоль берега.

Ножны он подобрал и повесил на шею. Верёвочки хватило как раз.

Санёк скользил в траве, чуть пригнувшись. На четырёх «ногах» мешал бежать болтающийся через плечо колчан с луком и стрелами. Задумавшись, он едва не наткнулся на двух дозорных. Один сидел и строгал ивовую веточку. Другой лежал рядом и был едва виден. Санёк подполз к ним совсем близко и услышал разговор.

– Ты каких девок любишь? – Спросил лежащий.

– Отстань, ты! Надоел... Всё у тебя про баб. Нешто не пробовал?

– Как, не пробовал?! Не в первой в набеге...

– Ну и чо пристал тогда? Одинаковые они. Вот если бы ты про жену спросил, я бы рассказал... Была у меня жёнка... А про девок... Какую взял, та и хороша. Особо в походе.

– Жёнок нам нельзя... – Грустно протянул молодой.

– Почему, нельзя? Оставайся в посёлке и живи, – рассмеялся старший.

– Ага... А ты придёшь и ограбишь, – молодой заржал. – Не-е-е... Лучше я сам приду.

– То-то... – Глубокомысленно сказал старший. – Мы вольные казаки. Постоянно в походах... Какая жена то?! – Он тоже громко засмеялся.

– По верховьям Дона худо ходить, говорят. Мужи, говорят, тут дюже крепкие.

– Не ждут нас тут. Ты же видел? Скокма уже сёл взяли наши братья... А мы? Жаль атаман наш поздно схватился. Все городки хорошие уже побили. А уйдут братья, как мы вертаться будем? Побьёт нас мордва...

– Ты сказывал, у них самопалов нет...

– Ну и чо? Они с луков бьют белке в глаз.

– Да ну?!

– Вот и «да ну»... – Гнусаво передразнил старший. – А так село тут бедное. Кроме рыбы и дичи нет у них ничего.

– Иди ты?

– Сам иди...

– А зачем же мы сюда пришли?

– Мы за кузнецом ихним пришли. Добрый, кажут, кузнец тут. С даром особым...

– А добыча? – Почти застонал молодой.

– Не будет добычи. Сказано, нет у них ничего.

– А девки?

Старший поморщился.

– Дались они тебе? В низовьях возьмёшь.

– Те надоели.

Старший рассмеялся.

– Девки – блуд. Грех тяжкий.

– Да ну тебя, – обиделся молодой, перевернулся на спину, положив голову на камень и уставился в тускнеющее небо. – Попёрлись, не знамо куда... И за кем?

– Сказано... С даром Сварога кузнец. За такого у хана крымского можно много денег взять.

Молодой встрепенулся, перевернулся на бок лицом к старшему, но тот вдруг шикнул на него и приложил палец к губам. Он повёл носом и Санька понял, что он ловит ветер, а ветер дул от него, от Саньки.

– Медведем несёт.

Молодой рассмеялся.

– Откуда тут медведь? Леса почти не видать... Да и трава по колено всего. Где ты его видишь?

– Я чую его. Я их за три версты чую.

– Вот за три версты он и навалил кучу, а ты учуял.

Молодой закатился от смеха держась за живот.

– Тьфу на тебя! – Ругнулся старший. – Гы-гы, да гы-гы...

Зубоскал и есть зубоскал.

Он снова взялся за палочку, а Санька ругая себя, что так и не помылся в реке, отполз назад. Слова старшего казака одновременно встревожили его, но и разбудили новые мысли.

Он уже понял, что раз казаки бандитствуют по верхам Дона, это век пятнадцатый или шестнадцатый. Позже они доставали только крымского хана, да османских купцов трясли.

Шестнадцатый век – это на Руси период «собирания земель Русских». От этого собирания и бежали люди, кто на Дон, кто в Литву, кто в Сибирь.

«Вот так-так», – подумал Санька. – «Рыба сама к рыбаку в руки приплыла».

– Взяли кого-то... Баба и мужик в чёлне... – Отметил молодой, чуть привставая и вглядываясь в реку.

– Тебе дело какое? Лежи и слушай степь, бусурманин, бо вдарю.

Старший показал молодому кулак с ножом и тот приник левым ухом к небольшому камню.

Санёк обполз дозор стороной и увидел лагерь разбойников. То была совершенно разноцветная банда: в пёстрых, вероятно турецких, халатах, рубахах, перевязанных широким поясом, шароварах, чалмах и сапогах с загнутыми носами.

Санька увидел, как на берег вылезли казаки, а следом за ними Мокша и Лёкса. Казаки родителей не трогали и не поносили. О чем разговаривали, слышно не было.

Если бы сам Санька был кузнецом, то не задумываясь пошёл бы в Крым и дальше к Султану. Ни на Дону, ни в Крыму тоже железа нет. А в Константинополе кузнецы в почёте. Если свободные. А раб, он везде раб.

Что там с османами в эти века Санька не помнил, но, как

ему рассказывал один умный мужик, которого он таскал по лесному хозяйству, османы не особо то зверствовали с христианами у себя в «Османии». И янычар набирали не из семей мусульман, а из семей иноверцев. Налог, говорят, был особый, детьми. С иноверцев брали мальчика на воспитание и обучение. И некоторые из них дослуживались даже до визирей. Но, рабство, есть рабство. Лучше в лесу со зверями жить, чем у султана янычаром быть.

* * *

– Может они не обидят? – Спросила мужа Лёкса.

Мокша развернул богатырские плечи и вздохнул.

– Сам как-то думал к османам податься. Купцы сказывают там добрые кузнецы. А тут и ковать то нечего. Всё старьё перековываю токма.

Лёкса прижала руки к груди.

– Боюсь я, Мокша. Продадут нас.

Кузнец прижал жену к себе. Так они стояли некоторое время, чуть покачиваясь и тихо подвывая какую-то только им знакомую мелодию слегка похожую на: «Ой ты степь широкая...» Когда дыхание заканчивалось у Мокши, тянула Лёкса, и наоборот.

– Ладно, – вдруг сказал Мокша. – Вечерять надо и спать.

* * *

Санька тоже повечерял куском отварной утки, лежащим у него в котомке. Зубов у Саньки хватало, чтобы есть мясо, но утка была жесткая, и он сначала перетирал куски в сильных

ладонях. Тщательно пережёвывая мясо, Санька размышлял.

Возможно, он смог бы казаков перерезать, если бы их было три-четыре, но казаков было пятнадцать человек. И без шума такую ораву не осилить...

Санька покрутил в руке «грибной» нож Мокши. Это был очень короткий нож с очень узким и острым остриём.

– С одной стороны, короткий глубоко не воткнёшь, – подумал Санька. – С другой стороны, а хватит ли у меня силы кого-то проткнуть. Не факт. Масса не та. Поэтому, короткий в самый раз. Но...

Таким только глотки резать, но по тихому не получится. И тем паче, как снять часовых у костра?

Ничего не придумав, Сенька мгновенно уснул. Он и так сдерживал себя с трудом. Это, наверное, единственное, что у него осталось от ребенка – способность мгновенно засыпать после еды. Но он знал точно, что через пару часов проснётся. Так и случилось.

Открыв глаза, Санька прислушался и принялся. Он не был зверем. Он был просто слишком волосатым ребёнком. Но свои человеческие органы чувств он тренировал и кое чего достиг.

В своё время, работая в лесу, Александр Викторович научился слышать звуки леса и хорошо ощущать запах живности. В Уссурийской тайге много тигра и медведя, на которых неожиданно наткаться нежелательно. Да и кабан, тоже был тем ещё подарком. Так что, по лесу Санька ходил, как по

территории противника, постоянно прислушивался, принимался и приглядывался, и приобрёл способность видеть и чують живность на приличном расстоянии.

Человеческие органы чувств, если их развивать и им внимать, тоже очень много могут рассказать. Однако году в восемнадцатом Санька переболел вирусной пневмонией и обоняние потерял. Не так чтобы уж совсем, но основательно. Это, кстати и повлияло на то, что он снова запил и вернулся домой. Тяжело ему стало водить охотников за зверем «с подхода». Чуйка пропала.

Вот и сейчас, зная, что всё возможно, он много времени уделял развитию этих навыков. А чем ещё заниматься зимой? Не лежать же постоянно в берлоге под боком мамыши. Лес Санька очень любил и когда-то хорошо знал его, вот и «вспоминал», то, что «затёрла» водка.

Ночь тяжёлой чёрной ватой тумана навалилась на лагерь разбойников и запахи проступили чётче. Чем-то позвякивали дозорные у костра. Их было трое. Санька скинул с себя рубаху и завернул в неё лук с натянутой тетивой, стрелы и, оставшись нагишом, встал на четвереньки.

Он редко прибегал к такому способу перемещения. На ногах бегалось легко, но подкрадывался к добычи он ползком или, как паук, на четырёх точках, не касаясь земли животом. Как-то он сопровождал на охоте бывших спецназовцев, и один показал, как они ползают, когда на животе разгрузка с боекомплектотом.

Санёк, когда ещё учился ползать, попробовал научиться ползать, как спецназ и научился. Времени у него было предостаточно, а еды хоть заешь.

Во сейчас он и полз по-паучьи, ловко перебирая конечностями. Санька представил себя со стороны и злорадно ухмыльнулся. «Я вам устрою последний день апокалипсиса», – подумал он.

Он выскочил на освещённую костром поляну как раз тогда, когда один из охранников решил немного размяться и встал со скрученной в подушку овчины.

Санька, отталкиваясь и руками, и ногами, вспрыгнул казaku на грудь, левой рукой схватил за затылок, а когтем большого пальца правой руки вскрыл сонную артерию. Тут же оттолкнувшись от падающего навзничь тела вцепился, Санька упал на землю и оттолкнувшись от неё вспрыгнул на спину другого, сидящего у костра воина и рванул его шею обеими руками.

Третий казак, увидев, как у сидящего напротив него парника вдруг из шеи забили фонтаны крови, онемел. Из его рта вместе с табачным дымом выходил не крик, а сип. Он не видел, кто напал на товарища. Видел только его округлившиеся от ужаса и боли глаза.

Санька по-паучьи скользнул вокруг костра и оказался за спиной третьего охранника, когда тот опомнился вскочил на ноги и заорав развернулся. Он смог увидеть лишь нечто маленькое, метнувшееся к нему с вытянутыми вперёд когти-

стыми руками и, потеряв сознание от страха, упал на спину. Это его и спасло от Санькиных когтей.

Санька пролетел мимо упавшего тела и понёсся дальше, не останавливаясь и теряясь в зарослях травы.

Лагерь проснулся.

Атаман, лежавший не далеко от пленников, встрепенулся и приподнялся с овчины. Часть казаков лежали в кругу костра ногами к огню, часть – ближе к реке в чёлнах, некоторые рядом на песочке.

Мокша и Лёкса спали в своём чёлне и атаман, проверив наличие пленников, поспешил к кострищу.

– Что такое?! Что за гам?! – Грозно начал он, но увидев два тела, лежащие в лужах собственной крови, обвёл казаков взглядом. – Кто?!

Он подошёл к каждому и осмотрел раны. Оба тела лежали на спинах. Кровь всё ещё пульсировала.

– Когти, атаман, – сказал кто-то. – Это зверь.

– Сам вижу! – Буркнул атаман. – А что с Лукашкой? Цел навроче... Переверните.

Казачьи тронули «тело» Лукашки, но тело вдруг застонало, широко открыло глаза, привстало и перекрестилось.

– Свят, свят, свят, – едва не в голос ревя, проговорил Лукашка. – Святая мать Божья спаси и сохрани от нечистого.

– Что несёшь, казак? Что за враг напал?!

– Чёрт! Чёрт! – Выкрикнул испуганный казак. – Истинным богом клянусь! Чёрт! Мохнатый и с хвостом...

Казак снова завыл. Атаман сгоряча перетянул того ногой-кой и Лукашка заорал благим матом поминая всех святых.

Долго ничего путного и связного от вырвавшегося из когтей беса Лукашки добиться не удавалось, но в конце концов поняли и решили, что на казаков напала росомаха. То подтвердили и Мокша с Лёксой, тоже проснувшиеся и участвовавшие в опросе потерпевшего.

– Есть здесь такие, подтвердил Мокша. – По следам, – бер, либо человек, но с когтями. Размером с пса, но злющи-и-ий. Людей сонными рвёт...

– Спали, что ли? – Грозно спросил атаман.

– Никак нети, атаман. Как можно? Знаем гнев твой! Сёмка поднялся и ... – Начал он сызнаова.

– Хорэ уж базлать⁹! Этих накрыть и всем глаз не смыкать. Ручники¹⁰ не замать! Сабли наголо держать! – Почти пропел атаман команду.

– А вы, – сказал он Мокше, – в чёлн ступайте.

Мокша и Лёкса забрались в свой чёлн и пристроившись под шкурами зашептались.

– Не уж-то он? – Спросила Лёкса с испугом.

– Больше не кому. Росомахи тут не бродят. Посветлу по следам поймём...

По светлomu казаки долго рассматривали следы и даже прошлись по ним до леса где следы затерялись.

Атаман, дождавшись «охотников», scomандовал: «Людья на воду!».

Чёлны хлюпнули водой и закачались на слабом, почти стоячем, течении. Казаки подняли паруса и связав чёлны длинными верёвками, с попутным ветерком тронулись вниз по реке.

Санька не расстраивался, что остался один. Эту речку он знал хорошо. Там её называли Осередь, здесь Сарант. Её спокойное течение не меняло русло веками и он даже узнавал некоторые ручьи, впадающие в неё. Только леса было значительно больше, чем в «наше время», ну так на то оно и «наше».

Санька решил бежать по стороне реки, примыкающей к лесу, который для него был роднее, чем пойменные луга левобережья, переходящие в овражках в болотину. Любое движение Санька принимал, как тренировку для развивающегося тела, поэтому бежал с лёгкостью, радуясь новым ощущениям. Рубаху он надевать не стал, а скрутил её как шинель и перекинул через спину.

Лес то подступал к реке, то отступал, взбираясь на возвышенность, а Санька бежал и бежал, почти не упуская чёлны из поля зрения. Течение было никакое, и ветер такой слабый, что к полудню паруса убрали и казаки взялись за вёсла.

Сарант река не длинная, около девяноста километров, поэтому на вёслах пройти её получится дня за три, – думал Санька. Так что в запасе у него имелось ещё две ночи. Хотя, почему только ночи? Можно было напасть и днём, если у казаков случится привал.

Уже при первом нападении Санька понял, что со взрослым мужиком в открытом бою ему точно не справиться. Не хватит ни силы, ни массы. В последнем чёлне сидело только два гребца и один рулевой. Двое других гребцов погибли ночью. Поэтому чёлны и сцепили верёвками.

Как только Саньке пришла в голову мысль о том, что можно напасть и днём, он думал не долго. Забежав подальше вперёд, срезав путь в удобном месте через лес, Санька устроился на бугорке. Он вынул из колчана стрелы, вынул и три трубки рогоза, в которые были вставлены длинные шипы, обильно смазанные соком, полученным из клубней аконита, растения знакомого некоторым под названием «Борец». Колючки Санька вставил, как наконечник, в специальные отверстия «тупых» стрел.

Дождавшись прохода каравана, он выпустил три стрелы: одну в затылок рулевому, две другие в шеи гребцам. Расстояние до середины реки было метров двадцать. Санька с такого расстояния не промахивался и в синичку. Почти одновременно все трое конвульсивно задёргались, схватились за грудь и попадали внутрь чёлна.

Яд аконита – нейротоксин и обладает судорожно-паралитическим действием. При попадании в кровь вызывает паралич и остановку сердца.

Длинные шипы ядом были смазаны густо, и дозы вполне хватало для почти мгновенного поражения оленя. Этот яд, родственник «кураре», использовался местными охотника-

ми повсеместно, а Санька узнал про него от Мокши, который показал ему опасные и ядовитые растения. И взял Санька яд из сумки Мокши, когда тот спал после беготни по лесу.

Добившись нужного эффекта от своих выстрелов, Санька оставил лук и стрелы на берегу и сплавал до двигавшегося на прицепе казацкого чёлна. Взобравшись в него, он забрал стрелы, смазал ранки соком крапивы, растерев ещё раньше сорванные листья, и вернулся на берег.

Казаки, на то, что на последнем чёлне не гребут, заметили скоро.

– В чего там? Уснули? – Крикнули казаки, но им не ответили.

– Эй впереди! Чалься к берегу! Что-то снова у Архипа не влад!

– Что там у него?! – Крикнули с впереди двигавшейся лодки.

– Да кто его знает! Уснули, чай!

– Чалься! Чалься! – Послышались крики дальше по реке.

Караван стал прижиматься к лесистому берегу. Последний чёлн подтянули и двое запрыгнули на борт.

– Что там?! – Спросил подошедший атаман. – Спят?

– Какой спят?! – Воскликнули с лодки. – Сразу трое? Не дышат.

Казаков вытащили на берег.

– Глаза какие страшные, – сказал кто-то. – Чёрные, как плошки.

– То зырки раскрылись. Как во тьме.

– Так день же?

– О то ж...

Атаман сам осмотрел каждого. Потом огляделся.

– Выставить дозоры, – сказал он не громко и ткнул пальцем в рядом стоящих казаков.

Двое отбежали. Все притихли. Атаман мазнул одному убитому пальцем по шее, сняв подсохшую каплю крови. Потом мазнул этой каплей по внутренней стороне предплечья своей руки.

– Яд!1, – сказал он. – Рука немеет. Пёсья смерть. Убили их.

– Кто?! Кто?! – Раздались голоса.

– А вот мы сейчас и спросим. Достать сюда кузнеца и жонку его.

Мокша и Лёкса всё это время находились в своём чёлне и, наблюдая за происходящим, мало что понимали. Когда их насильно стали вытягивать из лодки, Мокша было взъерепенился, но его стукнули несколько раз боевой нагайкой и он зашёлся от боли.

Пока он отходил от болевого шока, их вытащили на берег и кинули к ногам атамана.

– Ну, – медленно начал атаман. – Кто с вами ещё был, когда мы вас взяли?

– Никого! – Истерично крикнула Лёкса, косясь на лежащего в беспамятстве Мокшу.

– Мы сейчас сначала твоего мужика на ленты порежем, потом тебя. Говори, сука! – Атаман хлестанул Лёксу плетью, сложенной вдвое. Двойная гибкая «палка» плотно пришлась по кожушку и он лопнул по спине. Лёкса завизжала.

Санька не стал наблюдать продолжения экзекуции и два раза выпустил стрелы. Атамана он почти не видел, и попал в стоящих рядом. Это были его последние сильно ядовитые стрелы. Все остальные стрелы предназначались для мелкой дичи. Яд ещё имелся, но подготовить боезапас он не успел.

Стоящие перед атаманом казаки задёргались и упали на землю. Остальные, три выпущенных Санькой стрелы, противников смертельно не поразили, но затормозили. Все казаки рассыпались по берегу реки и попрятались за его намытой водой кромкой.

Санька, помня про ушедших в дозор казаков, метнулся в лес, оставляя убойную позицию.

К тому времени очнулся Мокша и Лёкса, схватив его под руки, помогла подняться и потянула в лес. Кое-как, но они добрались до чащи и скрылись в кустарнике.

– Руби ужы! Уходим! – Крикнул атаман и казаки разбежались по своим стругам. Прячась от стрел, они перерубили верёвки и оттянули чёлны от берега. Вскоре струги исчезли за поворотом. Только голоса дозорных, догонявших струги по берегу, некоторое время были слышны. Никто не собирался сопротивляться неведомым стрелкам. Глаза у страха, как говорится, велики.

Два казачьих струга и чёлн Мокши остались стоять у берега, зацепившись днищем за мелководье, а пять тел лежать на берегу.

Санька далеко отбегать не стал, а забрался на попавшийся на пути вяз. Спрятавшись почти на самой его верхушке, он увидел, как казачьи струги уходят, быстро вращая и хлопая по воде вёслами. Портом он увидел убегающих в лес Мокшу И Лёксу, но окликать их не стал, а проследил, чтобы по их следу никто не пошёл.

Не заметив преследователей, Санька озадачился оставленными казаками чёлнами, и почти не таясь, поспешил к реке.

Глава 3.

Санька, Мокша и Лёкса жили в лесу до начала заморозков. Вниз по реке дорога была закрыта. В деревню возвращаться – вроде, как рановато. Но они жили не тужили. Лето – благодатная пора. Срубив себе шалашик они славно устроились и проводили время в тех же хлопотах, что и ранее – заготовками на зиму.

Основа питания этого времени – корнеплоды и сушёные грибы – ягоды, произрастали повсеместно и в лесу и по берегам реки. Здесь заниматься заготовками было даже проще, потому, что рядом никто не жил. Следующее поселение стояло ниже по реке, ближе к устью. Кочевники жгли городки и угоняли люд постоянно, вот и не селились русичи по степным рекам. Всё больше в леса забраться норовились.

Санька нашёл родителей по следам и по запаху и вернул к реке.

Как-то так получилось, после передряги с казаками, что не смотря на свой возраст, Санька заимел равный с отцом голос. Мокша даже нарочно прислушивался к мнению сына и переспрашивал, что думает по тому или иному вопросу сын. Он так и спросил его, когда они сидели в ту первую ночь, после освобождения в шалашике: «Что делать будем?».

Санька рассудительно высказался по этому вопросу и они остались жить в лесу. Пока. Рыбалка, охота, это всё для

Саньки было настолько привычно, что и в их организации Мокша вскоре стал слушать сына.

Санька знал тысячи способов добычи рыбы, мяса или птицы. В том числе и экзотических. Многие рыбаки-охотники шли в лес не за добычей, а за «канителью», как говорил Санька, и за экзотикой. Они нарезали дудок-манков на гуся и утку, поймали уточку и гусыню, и на них, как на приманку, ловили и стреляли птицу. Соли у Мокши было мало, но и это не стало проблемой. Соль добыли из золы.

Жгли костры, давали им хорошо прогореть, собирали золу, заливали кипячёной водой и настаивали. Через пять часов вода становилась солёной. Её сцеживали, выпаривали и так солили мясо и рыбу. И коптили. Коптильню соорудили тоже по Санькиной схеме: с большой коптильной камерой, собранной из жердей и лозы, дымоходом и печью.

Очень вкусными получалось мясо осетровых. В Саранте водилось всё! И стерлядь и другие осетровые. Они полосовали мясо, солили, вялили и коптили. А раков было столько, что они выползали на берег.

Так в пиршествах прошло лето. И снова возник тот же вопрос: «что дальше?» Санька значительно подрос. Он очень желал расти и рос. Санька подтягивался на руках, висел вниз головой, держась ступнями за ветку. Стараясь не напугать родителей, он это делал в лесу, куда уходил ежедневно.

Лес звал его и Санька слышал зов. Лес звал его и в той жизни, но в житейских заботах и пьянках голос леса раство-

рялся, не доходя до разума. Сейчас же, проведя больше двух лет с медведицей и две зимы считай в одиночестве, Санька лес услышал. Родители в третью зиму приходили реже. Мокша резал чёлн, и Лёксу одну в лес не отпускал, поэтому Санька был предоставлен самому себе.

Когда Санька впервые услышал и почувствовал лес, ему показалось, что он сошёл с ума. Это произошло тогда, когда Санька тренировал свои органы чувств. Он сидел у входа в берлогу и всматривался всеми своими «фибрами» в наполняющийся темнотой лес.

Солнце уже село и лес погружался в тишину. Последние белки и бурундуки прятались по дуплам и Санька слышал шуршание их когтистых лап. Он слышал тихое хлопанье крыльев филина и крадущуюся поступь куницы. Оба этих звука вдруг огласились вскриками попавшихся в их лапы жертв.

– Не добежали, – сказал Санька, ясно мысленно увидевший картины лесной трагедии. Но чья-то гибель в лесу означала чью-то жизнь и Санька не озаботился и не опечалился чужой смертью. В лесу только волки могли зарезать жертву не ради еды, а ради охоты. Остальные хищники убийством не злоупотребляли.

Поэтому с волками у Саньки были свои счёты, и он ходил со стрелами, смазанными «пёсьей смертью». Был у него и «нож», сделанный из широкого наконечника стрелы Мокши, как раз подходящего для руки малыша. Этот нож, тоже

отравленный, и спас как-то Саньку от волчьих клыков.

Вслушиваясь в лес, Санька услышал вопрос:

– Ты кто?

Малыш тогда испугался, встрепенулся и мысленную связь с лесом потерял. Но он его услышал и знал, что может слышать ещё. И хотя, как он не пытался, связь с лесом не устанавливалась, надежды и веры он не терял.

* * *

– Что делать будем? – Как-то вечером спросил Мокша сына. – Если тут остаёмся, надо землянку углублять.

Они к тому времени нашли недалеко от реки огромное поваленное дерево, в его корнях соорудили землянку и жили в ней.

Мокша имел озабоченный вид, а Лёкса, напротив, беспечный. Она носила под сердцем, как она говорила, «ещё одного бера» и ей было всё равно, что решат её мужчины.

– Надо возвращаться в деревню, переждать холод, а по теплу двигаться вверх по рекам на полуночь. Не будет здесь жизни. То одни придут, то другие. А как волки зимой обложат? – Высказался Санька. – На косом парусе легко дойдём.

Мокша облегчённо вздохнул.

– Тогда завтра по заре собираемся, ставим парус и уходим. С парусом ты ладно придумал, Ракшай.

Справно он ветер держит.

Санька из прямого паруса сделал косой, разрезав по диагонали полотнище и прикрепив один его край к мачте

несколькими железными кольцами, сделанными Мокшей из имеющегося у него прута, а другим концом жестко к рею, прикреплённому к мачте. Соорудили и механизм подъёма паруса в виде верёвки и деревянного шкива, закреплённого на вершине. Обрезанный край паруса обшили, закрепив и пропустив по нему верёвку, а на корме соорудили нормальный руль с поворотным рычагом-румпелем.

Это они так модернизировали один казацкий чёлн, имевший нормальный киль и хорошую остойчивость. Два других они вытащили на берег небольшого притока и кое как спрятали.

Ещё ночью посыпал мелкий и противный дождь, потому собирались на бегу. Благо, что основные вещи и заготовки уже давно лежали в лодке в рогожных мешках под пологом, сшитым из снятого со второго казачьего чёлна паруса и отрезанного остатка первого. Переносили только посуду, кое-какие инструменты: пилу, топоры, и спальные принадлежности. Потому управились быстро.

«Пассажирское место» устроили так же на носу чёлна. Лёкса и Ракшай забрались под тент, а Мокша поднял парус, который тут же развернул гик по ветру. Сев на корму, Мокша одной рукой потянул «гика-шкот», перекидывая его через «утку», а другой взялся за румпель. Чёлн, взяв боковой ветер и чуть накренившись, поплыла вверх по реке.

Мокша, управляя рулём и ветриллом, чувствовал себя уверенно. Его крепкие руки легко держали напор ветра и чёлн

двигался вверх по реке шустро. На поворотах реки Мокша ловко и одновременно перекладывал румпель, и гик переваливался на другой борт, а парус с хлопком надувался снова. Это очень нравилось Мокше и его ничуть не удивляло, что премудрости управления парусом отца научил малолетний сын.

И сам Мокша имел дар управления огнём с детства, поэтому, то, что Ракшай имеет какой-то свой дар, отца нисколько не удивляло. Племя, в котором обитали Мокша и Лёкса жило лесом, рекой, степью и придерживалось древнейших традиций предков. Таких племён оставалось всё меньше и меньше. Даже братья Мокши и те выбрали «Единого» Бога, предав Сварога и его детей. Выбрали лишь потому, чтобы спрятаться от многочисленных степных врагов за стенами храмов и укреплённых городов.

Мокша правил назад, гордо подставляя лицо ветру и дождю, думая лишь о том, как встретят их сына бывшие односельчане?

Подшёрсток у Ракшай вытерся, и светлые волоски, покрывающие тело, не выглядели так пугающе, как при рождении. Да и договорились они с Ракшаем, чтобы он выдавал себя за боле взрослого приёмного сына.

Санька выглядел вполне себе взрослым, хоть и маленького росточка, пареньком. Но ему пришлось одеться и в порты, и в холщёвую куртку, и в мягкие сапоги. Хорошо хоть толком сшивать рукава ещё не умели и подмышками зияли

огромные дыры, через которые под одежду проникал спасительный ветерок.

Хотя простой люд босиком ходил до самых морозов. А то и по снегу. Особенно дети. Те, либо дома сидели, либо выбегали «до ветру» босыми. Были и среди взрослых те, кто ходил зимой в рубахах. По сути, Ракшай не сильно отличался от «обычных» людей. Всё дело в привычке. Санька как-то не задумывался о холоде в первые дни обитания в этом мире, потому что находился в шоковом состоянии, а потом и привык.

Сейчас же он понимал, что в том, что он выжил, есть и заслуга пока ещё не понятных для него сил. Может быть это был Велес, которому его «передали»? Дел по заготовкам на зиму было много и Санька вскоре перестал обращаться к лесу.

Лёжа с матерью под тентом, Санька-Ракшай вдруг представил себе ту поляну и часть леса, что скрылась за поворотом реки и представил себе так хорошо, что разглядел даже забытую ими сеть, развешенную вчера сушиться.

– Мокша! Сеть забыли! – Вскрикнул он.

Мокша хлопнул себя по лбу, взял правее и резко переложил румпель направо. Чёлн нехотя развернулся, парус ещё раз хлопнул и чёлн заскользил обратно.

– Добро, что вспомнил, – похвалил Мокша. – Ловкая сеть и крепкая.

А Ракшай вдруг понял, что не вспомнил он, что забыли,

а «увидел», висящую на кустах сеть. Понял, но ничего говорить отцу не стал.

Они вернулись, забрали сеть... Ракшай, сам не зная зачем, пробежался по территории и мысленно попрощался с каждым деревом. И вот тут-то лес ему и ответил.

– Ступай, детёныш. Я буду рядом.

Санька почему-то даже не удивился, а поклонился деревьям и залез обратно в чёлн.

Мокша, подавая ему руку, внимательно посмотрел Ракшаю в глаза и непонятно сказал:

– То добре!

– Что, добре?! – Переспросил Санька, скидывая кожушок и забираясь под тент.

Но Мокша улыбнулся и не ответил. Он развернул чёлн ещё подходя к этому месту, на скорости, поэтому просто потянул «вожжу» и парус снова взял ветер.

Они благополучно добрались до посёлка к вечеру. Ветер дул хороший, мели они проскочили удачно. После первой «посадки» Ракшай забрался на «нос» и, уселся на нём вперёдсмотрящим. Он болтал ногами и голосил какие-то незнакомые Мокше и Лёксе песни, типа «Ой мороз, мороз» или «Во поле берёза стояла», не забывая показывать руками направление движения. Мокша тихо посмеивался, а Лёкса веселилась от души и даже дудела, что-то в дуду, иногда попадая в тон.

Так, вопя и дудя, они прибыли куда хотели.

Посёлок стоял в междуречье, то есть, на берегах Саранта и какого-то безымянного ручья, из которого селяне брали воду. В реке вода была не очень чистая, так как выше по течению стояло ещё несколько посёлков, и все они сбрасывали в реку нечистоты. А Сарант имел течение спокойное. Потому посёлки и ставили на ручьях, берущих начало на возвышенности и в Сарант впадающих.

Увидя высыпавшее на берег население, Ракшай умолк, а Мокша привстал на корме, примеряясь к развороту напротив своей кузни. Разворот он сделал лихо, снова сначала подав правее, а потом резко переложив руль и перекинув гик. Чёлн развернулся почти на месте и ткнулся бортом в берег.

Ракшай ловко соскочил в воду и, схватив кормовой «швартовый канат», подбежал к ближней вербе, и ловко привязался хитрым узлом. Санька не был «морским», но в молодости лазал по горам, и узлы вязать умел. Мокша размеренно положил сходни на борт и выдвинул их, уперев в берег.

Селяне стояли на возвышении, не решаясь подойти, только староста, опираясь на клюку, чтобы не поскользнуться на размокшем спуске, осторожно двинулся навстречу Мокше.

– Не уж-то ты, Мокша? Сподобили боги обернуться?

– Сподобили, – не очень дружелюбно ответил Мокша.

– Гляжу, не одни? Что за малец?

– Брата сын, Ракшай. Думали, не будет больше роду, вот и взяли, а Лёкса, возьми да понеси. Отдавать уже было не в лад. Да и дар у него особый, моему сродни.

– Ракшай?! – Удивился дед. – Это же по-вашему вроде, как «зверь»?

– Дар у него «лесной». Так волхвы сказали. Так и вышло. Он уже сейчас охотник хороший. Зверя чует за версту и следы читает... На Дону лес извели на продажу. Вот он и напросился с нами.

– И сколько ему?

– Семь лет.

– Мелковат, что-то...

– Зато силён, как бер и шустёр. Помощником нам справным будет.

– Понесла, говоришь, Лёкса? – Переключился старик и задумался. Мокша показал ему громадный кулак и тем прервал старосте раздумья.

– Не отдам больше никого, так и знай!

– Да я не о том...

– А я о том!

Старик закашлялся, но в ответ ничего не сказал, только спрятал, отведя в сторону, глаза.

Мокша рассупонил полог и стал переносить мешки с добром.

– Раздобрел ты, Мокша, как я погляжу, – не без зависти проговорил старик.

– Сиднем не сидел, – пробурчал Мокша, вскидывая на плечи мешок.

Добра, и впрямь, было много. На двух казацких чёлнах

чего только не оказалось... И оружие, и шмотья всякого, и инструмента. Да и сами казаки дюже справно были одеты. Не простых казачков побил Санька, ох не простых.

Уже смеркалось, а они с Лёксой ещё не закончили. Ракшай уже натаскал и нарубил дров, вымел из землянки мусор, растопил очаг и вскипятил в котле воду. Частью кипятка заварил травяной «чай», в другой заварил «растеруху», как называл Санька отваренные, высушенные и перетертые в муку крупы. Санька помнил каши быстрого приготовления, и попробовал сделать такие здесь. Попробовал – получилось. Растеруха заваривалась почти мгновенно и была не хуже залитой кипятком муки, что ели родители.

Затянув двумя пологам, сходящимися у мачты, чёлн, чтобы не выгребать поутру воду и не мочить оставшиеся вещи, Мокша с Лёксой поспешили в землянку. С сумерками стало зябко. Хмары13 снова затянули небо, посыпал мелкий морозящий дождик, а в протопленной землянке они почувствовали себя дома.

Ночью они перетащили в землянку четыре сундука, взятые с казацких стругов, двенадцать маленьких бочонков с порохом, самопалы и сабли. Имелась на стругах и казна. Не такая большая, как хотелось бы Саньке, но для Мокши и Лёксы, не имевших денег вообще, и то, что они добыли, было несметным богатством.

Монеты представляли собой «белянчики». Санька видел такие в крымском музее. С одной стороны на монетах име-

лась трезубая тамга, с другой арабская вязь. Санька также помнил, что их начали чеканить при Первом Гирее в середине пятнадцатого века. В нумизматике и арабском Санька понятия не имел, поэтому с годом выпуска монет не определился.

Единственное, что помнил Санька, это то, что на одну монету можно было купить килограмм муки, а за четыре – курицу. Но это в Крыму... Мокша почему-то назвал монету «деньга». И тут Санька вспомнил, что в том же музее говорили, что очень долго на Руси штамповали похожие по размеру деньги. Но, по словам экскурсовода, «белянчик» на Руси имел двойную стоимость из-за большего веса¹⁴. А за копейку даже при Иване Грозном можно было купить три килограмма зерна.

В общей сложности у Мокши с Лёксой оказалось около трёх тысяч монет. Почему около? Санька принимался считать несколько раз, но всегда то Лёкса, то Мокша его сбивали, вероятно думая, что он играет. Поэтому Санька отмерил монеты горшком, а потом пересчитал количество в одном горшке.

Ракшай быстро сдружился с местными ребятишками. Посёлок состоял из двадцати трёх землянок и в каждой имелось по три-четыре разумного возраста детей. Как понял Санька, лет в двенадцать, человек уже считался взрослым, а, начиная лет с трёх, помогал по хозяйству.

Игры у разного возраста детей отличались. Старшие иг-

рали во что-то, похожее на лапту, средние – в разные прятки-салки-догонялки. Саньку допустили в среднюю группу. Но, не смотря, на то, что зерно уже было убрано, продовольственные заготовки продолжались. Лес – кормилец, отдавал жёлуди. Их запасали мешками. Как понял Санька, «на чёрный день».

Волхв, узнав, что Ракшай имеет дар Лешего, как-то призвал его и испытал, сначала опросив, какие травы знает, и как они могут пригодиться человеку. Потом отвёл в лес и проверил, как Санька в нём ориентируется. Санька лес до посёлка знал, как свою берлогу, потому что, когда ему было скучно, он доходил и до реки. Тут недалеко он как-то и встретился с волками, кстати. С волками, которые искали, чем поживиться в посёлке. А в нём имелись и овцы, и козы.

Санька тогда почувствовал волков издали, но, почему-то, решил, что он медведь. По крайней мере, от него должно пахнуть медведем. Так он подумал. От него и пахло настолько, что волки сначала шарахнулись от него, но потом, рассмотрев, поняли, что обознались. Это была не вся стая, а трое разведчиков, поэтому Саньке тогда повезло выжить только благодаря отравленным стрелам и ножу.

Волхв готов был отстать от пацана, уже после демонстрации им охотничьих навыков. Ему оказалось достаточно стрельбы из лука, но Ракшай решил продемонстрировать волхву и работу пращей, и кистенём, чтобы потом не возникало вопросов. Пусть уж сразу перемелят ему кости. Тем па-

че, что Санькиных умений хватит не на одну «мельницу».

Волхв чуть ли не бегом вернулся из леса и быстро нашёл старосту. Тот занимался пересчётом инвентаря и подготовкой его к хранению: рихтовкой кос, смазкой и оборачиванием в промасленную холстину, ревизией и заточкой топоров и пил. В каждой семье имелись свои топоры, но и в общине должен быть запас. А вот двуручных пил имелось только две, и обе общие.

– Он, точно, Леший, – не отдышавшись от бега, сообщил старосте волхв. – Малой-малой, а знает лес не хуже меня.

– И что это нам даёт? – Сразу озаботившись, произнёс староста.

– Посмотрим. Коли договориться с Лесом, великая польза будет, а не договориться, уходить нам придётся. Лес противную силу не потерпит, а сила у мальчика немалая. Но, похоже, сроднится он с лесом, слишком уверенно в лесу ведёт себя. Не давит на него лес. Да... Родич он тому мальцу, что мы отнесли к беру. Тот-то сгинул. Сожрала его медведица. Помнишь кровяницу у логова?

– Помню, – передёрнул плечами староста.

– Во-от... Как бы не возмутил кузнец его на нас. Сердитый... А Лёкса... Та вообще зверем глядит...

– Задобрить надо, – снова передёрнул плечами староста.

– Надо... Но как? Видал, шокма добра понавёзли? И запасы съестные свои имеют... Закрома забили. Лабаз полный. Сам видел сколько мешков накидали?

– Видел. Кунами надоть откупиться.

– А ясак платить? Князю Рязанскому?

– А мож не приедут. В том лете не было. И за тем...

– О то ж, что не было... Значит, точно приедут по санному

пути.

– Из общих наберём для Мокши.

– Мало кто даст.

– Пужнём, – сплюнув и скривившись, молвил староста.

– Пошто землю скоромишь?! – Взвился ведун. – Вот я те-

бе!

Он замахнулся палкой на старосту.

– Да ладно, тебе...

Староста затёр плевком ногой.

– На себя грех взял. Всё! Ступай!

Волхв крутнулся на месте и выскочил из кладовой, что-то недовольно бормоча и дёргая бороду за косицу.

Санька неожиданной «шустрости» волхва удивился и проследил его бег до кладовой. Волхв, в озабоченности, торопился, не оглядываясь, и на слежку внимания не обратил, потому весь разговор Санька слышал и от двери отскочил вовремя.

Но волхв, выскочив из землянки, ни на что не обращая внимание, борзо поспешил по направлению к небольшому холму, на котором угадывалось капище. Для Саньки, не знакомому с поселением, всё имело интерес, и он последовал за волхвом.

Однако, уже у самого холма, его остановил какой-то мужичонка:

– Ты, малец, не ходи туда. Не зван ведь.

– Почему, дяденька? – Спросил Ракшай.

– У вас в селе все с богами говорят?

Санька непонимающе смотрел на дядьку, у которого вдруг на лице появилось понимание, и он стукнул себя ладонью по лбу.

– А-а-а... У вас же храм единого. Капища не видел?

– Не видел, дяденька.

Санька притворно шмыгнул носом и провёл под ним справа налево. Как он обратил внимание, все пацанята в деревне бегали, натурально «наматывая сопли на кулак». Вот и Санька, чтобы не выделяться, постоянно шмыгал носом и тёр нижнюю губу кулаком. Сам нос он привык лишний раз не трогать. Инструмент всё-таки.

– Вот Сварога и сыновей его славить пойдём, поглядишь. А сам не ходи на пуп. Ты не крещён, случаем?

– Креста нет, – обтекаемо ответил Санька, не желая отречься от Христа.

Это тело никто не крестил, а чья здесь душа, Санька не знал. Сам-то он крестился по православному обряду давно и причащался несколько раз, но в церковь ходил редко. То в лесу жил, то не пускало его что-то в храм.

Здесь, возродившись в новорожденном теле, Санька внимательно к себе прислушивался и усиленно молился, пона-

чалу думая, что обездвижен и ослеплён недугом. То ли выпитым, то ли аварией, то ли параличом.

Потом, когда всё правильно понял, вынужден был научиться слушать тело и заставить разум включиться. А что тело, что разум были девственны и, во-первых – впитывали новое, а во-вторых – имели первозданные каналы чувств, связанные с чем-то большим.

Санька не понимал, что это, но ЭТО ему сильно помогало. Трудно было не утратить ЭТО, при общении с родителями, потому что, когда появлялись они, ЭТО «пряталось». Санька думал, что ЭТО было лесом. Духом леса. Но потом понял, что ЭТО не только лес.

Санька обратил внимание, что начинал знать о приближающемся снеге или дожде заранее. А Мокше для этого нужно было потрогать амулеты, висящие у него на поясе. Перед охотой Мокша доставал из сумки заячью лапку с двумя перьями и подвешивал себе на шею. Тогда охота была удачной. Саньке для того, чтобы знать, «где сидит фазан», амулеты не требовались. Мало того, он научился «успокаивать» дичь.

Так же было и с грибами-ягодами. Санька всегда знал, где, что растёт. Это он в конце «экзамена» продемонстрировал волхву и у того «снесло крышу».

Санька до конца не понимал, причины возбуждения колдуна, потому что и Мокша, и Лёкса тоже спокойно находили нужные им корешки, даже под слоем снега. Но, опять же, с помощью амулетов.

В конце концов Санька стал догадываться, что родительские амулеты «забивают» голос его «Леса» и вскоре научился не обращать на них внимание. Подсказки слышны стали чётче. Стала проявлять себя и интуиция, только Санька ещё плохо понимал её намёки. Чувство тревоги возникло перед отплытием на чёлне с родителями, но деваться было некуда и Санька отбросил его. А можно было бы прислушаться и постараться избежать встречи с казаками.

Хотя, тогда Санька не проверил бы себя в схватке и они остались без барыша.

По возвращении в поселение Санька по-настоящему почувствовал давление на себя капища и окружающих его амулетов. Первые ночи он спал плохо. Он привык к свободе воли, а свободы здесь не было. Духи охраняли деревню и подавляли чужую пришлую волю. Только воля пропущенная через амулет могла вырваться наружу. Так же, как амулет защищал владельца от чужой воли и духов. А Санька амулета не имел и на него тут же накинулись все собранные в этом месте души.

Однако Санька бороться с ними не стал. Он их не боялся, потому что давно понял, что страх, как и остальные душевные страсти, застит ум и сердце. Души попугали-попугали Саньку ночами, да и сгинули, поняв, что Санька в них не нуждается.

Души, как обычные рэкетеры, сначала хотели запугать, а потом предложить услуги по охране и посреднические услу-

ги по связям с богами. Но у Саньки уже была своя «крыша» – небо голубое, а потребности в богах он не знал.

Глава 4.

– Мокша! – Раздался голос волхва из-за двери сразу после третьих петухов. – Разговор есть.

– Ты что не спишь? Камлал всю ночь? – Усмехнулся Мокша.

Он уже тоже не спал, да и Лёкса с Ракшаем уже позавтракали. Лёкса всё ещё сцеживала грудное молоко, а Ракшай, которому трёх лет ещё не стукнуло, с удовольствием молоком подкармливался. Потому и рос, как на дрожжах.

– Разговор есть за твоего мальчика, – повторил шаман. – Выйди.

В русских духовных традициях о шаманах не упоминалось. Их называли волхвами, ведунами, колдунами, но не шаманами. Санька же вчера явно слышал на капище стук бубна и какие-то подвывания. Он всё же прокрался в сумерках почти к самому капищу со стороны леса и на фоне пламени костра видел пляшущую фигуру волхва.

Мокша вышел и огляделся. Лес стоял тёмный, а над степью розовело. Лёгкие облачка вырывались изо рта при дыхании.

Шаман сделал несколько шагов к реке и обернувшись остановился.

– Отдай мне своего Ракшая, – сказал он, не поднимая взгляд от земли.

– Зачем? – Удивился Мокша. – Да и не мой он. Он сам по себе. Он брата сын, Микая. Пришёл с нами силу леса при-
нять.

Шаман потоптался нерешительно на месте.

– У меня нет детей... Ты знаешь...

Старик помолчал. Мокша понимал к чему клонит шаман, но ждал.

– А у него... У Ракшая... Дар у него великий. И духи так сказали, и я сам видел. Я должен усыновить кого-нибудь.

– Не станет он шаманом, Рогдай. Охотник он.

Шаман поморщился. Лицо скрывал полумрак, но его гримасу Мокша разглядел.

– Общине нужен такой шаман, Мокша. Я не дружу с Велесом. Нет у меня его силы. Но я собрал духов предков и Перун нас тешит присутствием.

– И как ты передашь ему силу Перуна, если он пришёл за силой Велеса? Капище Перуна не примет его.

– Уже приняло, – тихо сказал шаман. – Перун примет Ракшая. Ты прав... Я всю ночь камлал: сначала в капище, потом в святилище. Ты сам сродни шаману. В твоей кузне тоже встречаются земля, металл, огонь и вода. Ты знаешь, как говорят боги.

Мокша не стал переубеждать ведуна. На самом деле Мокша с Перуном говорил только про металл. Мокша спрашивал Перуна: «когда?» и всегда получал ответ. Цветом металла, искрами, ковкостью. Потом Велеса просил: «укрепи!», и

опускал изделие в купель, и только что тягучий металл становился крепким. Вставал. Мокша называл такой металл – сталь. Ничем другим Мокша не отвлекал Богов. Но зачем об этом знать колдуну?

– Я Ракшаю не владетель. Племяш он мне. Сам говори с ним.

– Я долго мыслил, как свести богов воедино... И удумал. Мы вместе обучим его. Я усыновлю душу и передам свои премудрости, а ты передашь ему свою науку¹⁵.

Мокша вздохнул и развёл руки.

– Как договоришься... Хотя он интересовался моим делом, но не особо.

Санька, действительно, не особо интересовался железом. Его больше прельщало дерево. Он и раньше много резал из него и открыл для себя некоторые секреты, но сейчас, по малолетству, пока раскрываться не хотел, но очень хотелось взяться за стамеску и вырезать что-нибудь эдакое.

Он стоял у двери, слушал разговор отца с ведуном и думал: надо ли ему становиться посредником между богами и людьми? Людьми неблагодарными... Он всегда вёл отшельнический образ жизни, по сути. Кто-то иногда приезжал в его зимовье. Тогда Санька обеспечивал гарантированную рыбалку или охоту... Но остальное время жил в лесу один. Редко брал к себе кота. Те выживали чаще. Собак не заводил, дабы не привлекать тигра. Кот животинка знамо какая, не придёт, пока сам выживает. Потому Санька жил в ле-

су бобылём.

Что характерно, и сын его и дочь были пристроены хорошо. Обоим были когда-то куплены квартиры в Москве. В итоге, дочь вышла замуж за немца и уехала в Берлин, а сын женился на голландке и уехал в Голландию. Россию дети позабыли. Жена Санькина как-то переживала, но выдюжила, а Санька сильно запил и в оконцовке умер.

– Слушаешь? – Спросила Лёкса. – Что бают?

– Ведун усыновить хочет, силу передать.

– Так и думала, что он на тебя глаз положит. Не отказывай ему. Зачем тебе такие враги?

– Не моё это... Камлать... Я по-другому вижу. Мой дом – лес...

– То мнисься тебе. Твой дом – люди. Их беды и чаяния. Ты – зверь только по имени. Потому, принимай дар богов и живи с людьми ладно. Прими навык отца и навык ведуна. Великая в том сила случится. То польза может быть великая.

Санька насупился. Для себя он всё давно решил. Не зря судьба забросила его под сиську медведицы. Не зря он детёнышем оказался в диком лесу. И слышал лес, и видел, и чувствовал... Чужие Боги не интересовали Саньку. Кузнецом? Ну, может быть. Но ведуном? Замполитом людей, которые относят детей в лес? Это – увольте...

Никогда Санька не был балаболом, да и за «базар» привык отвечать. А тут... Камлай не камлай, а случится то, что случится. Никогда не играл он в азартные игры, потому, что

знал, что это не его игра. Стенка на стенку, один на один, это – само то. Оно. А судьба? В чужих руках? Не доверял он себя никогда и никому.

А с другой стороны, что ему мешает в любой момент удрать? В тот же лес? Если вдруг его не правильно поймут, или он не правильно интерпретирует смысл сказанного богами, или духами. Лесов тут много, как сказал Мокша. А понять этот мир с помощью ведуна и кузнеца будет проще. Кузнечное дело и в его время было в почёте... И кто ему запретит заниматься и металлом, и деревом? Железа на Руси вроде, как мало. Руду, он помнил, везли через Новгород, а по Дону только готовые изделия.

Хотя, вспомнилось ему, кроме верфи на Дону, были ещё верфи на речке Воронеж. Там росли дубы вперемешку с соснами. А ещё в её верховьях этой реки нашли залежи бурой железной руды, из которой лили пушки и ядра. Это Саньке рассказывал Воронежский краевед, приехавший к ним в Шипов лес с проверкой наличия и сохранности самого старого дуба.

Вот бы куда перебраться, – подумал Санька.

Однако он помнил, что и верфь, и литейные заводы возникли при Петре Первом, а какое сейчас время Санька так и не знал, но вряд ли Петрово. Коли казаки свободно шастают и народ грабят. Санька расстроено крикнул. Не знал он историю России. Может и шастали, – подумал он. Екатерина Вторая, кажется, прибрала запорожцев «к рукам».

Санька снова недовольно крикнул и решил, что нужно получать образование. А кто больше всех ведаёт, как не ведун?

Открылась дверь.

– Выйди, Ракшай, – бросил Мокша, хмурясь. – Поговори с Ефимом.

Ведуну он говорил одно, но сам-то знал другое. Его это сын и Лёксы, и разрешать кому-то усыновлять сына он не хотел. Лёкса ему точно глаза выцарапает, коль узнает.

Ракшай вышел.

– Что там? – Спросила Лёкса. – Старик в нашем сыне замену себе нашёл?

Лёкса перетирала на жернове высушенные кусочки корня рогоза, перемежая его с овсом.

– Откуда знаешь? – Удивился Мокша.

– Ракшай сказал. Ты же знаешь, как он слышит?

Мокша кивнул и осмелев, думая, что Лёкса всё знает, сказал:

– Хочет сыну нашему свою силу передать. Говорит, к предкам собирается. Может не успеть. А не успеет, тогда другой шаман придёт. Души предков разбередит. Плохо будет.

– Пусть передаёт. Наш сын ведуном станет... Это добро.

Мокша понял, что Лёкса всего не знает и сказать про усыновление испугался. Рука у Лёксы была хоть и маленькая, но очень тяжёлая. Особенно, когда она била наотмашь ладонью. Да и когти, крепкие и острые, она пускала в ход частенько,

когда считала себя обиженной.

Мокша, несмотря на свою силу, имел спокойный характер и по-настоящему любил свою жену, такую же переселенку с берегов полночного моря, взятую им в жёны не по нужде, а по зову души.

Мокше уже шёл четвёртый десяток и почти всю сознательную жизнь он провёл в пути от холодного моря до этих земель. Пять лет переселенцы уходили от вдруг наступившего на берег моря и резкого, за тем, похолодания.

Он научился ковать болотное железо ещё в отрочестве и пока постигал науку жениться не мог. Потом был долгий переход. Некоторое время род пожил в Рязани, потом, вслед за гонцами, двинулся сюда. Очень уж гонцам земля понравилась здешняя. Чёрная и жирная, она сильно отличалась от всех земель, виденных Мокшей ранее. Казалось, положи семя, и вырастет всё.

Ан нет... Оказалось, что дождей в этих местах выпадает мало, а земля воду не держала. Сохли посевы. Потому питались мясом, рыбой и корнеплодами. Жалко было денег, что община потратила, купив в Рязани зерно на посадку. Шамана едва на кол не посадили, за благоприятные прогнозы. Спасло его то, что он многих вылечил вовремя прошлогоднего мора. А так бы сидеть ведуну в виде высушенного истукана в капище, а душа бы его так и оставалась рядом с телом.

Мокшу от навеянного мыслями образа передёрнуло. Он страсть как боялся заложенных покойников¹⁶. Он было дви-

нулся за Ракшаем, но Лёкса сказала спокойно:

– Пускай поговорят. За сыном Велес, ты же знаешь... Он не даст его в обиду.

Мокша сразу успокоился.

– Похоже река встала, – вспомнил увиденное он.

– Значит скоро наши придут.

В Рязани остались родичи Лёксы и она каждую зиму ждала, что они сподобятся перебраться в эти края. Однако жили Мокша с Лёксой здесь уже три года, а родичи всё не появлялись.

– Придут, – утешил жену Мокша и взялся за деревянную ручку двери. – Пойду в кузню, огонь распалю. Надо задумки Ракши сковать, пока не так стыло.

– А может они через Казар¹⁷ прошли?

Кузня была открыта ветрам и зимой сковать что-либо было проблематично. Слишком быстро остывал металл на наковальне. Да и горн с трудом держал нужную температуру. А сын придумал интересную вещь, которая Мокше и Лёксе понравилась.

Ракшай и Ведун говорили тихо. Ракшай в основном слушал. Ефим и так был сгорбленный, а тут, чтобы шептать слова в ухо Ракшаю, согнулся почти до земли. Он опирался на свой кривой костыль и нависал над ребёнком, как Мара над жертвой.

Однако Санька слушал ведуна с интересом.

Мокша прошёл мимо них к кузне, поднял блоком тяжё-

люю плотно подоогнанную каменную крышку горна и принялся разжигать печь. Горн он гасил, ограничив в него приток воздуха. Это гарантировало быстрый розжиг, если он ковал ежедневно и давало значительную экономию древесного угля.

Он аккуратно проткнул чёрную массу небольшим ломиком, сделав отверстия для тяги и поджёг кресалом сначала бересту с лучиной, а потом ею «запал» – березовые поленья, уложенные в нижнюю печь. Огонь облизав берёзовые чурбачки занялся охотно и через час угли начали раскаляться. Мокша подсыпал ещё и начал работать мехами.

У него имелось несколько плоских стальных заготовок, одну из которых можно было расковать на забаву Ракшаю. Углубив железяку в угли, Мокша вспомнил про сына и ведуна. Он всегда забывал про всё, занимаясь горном. Ни Ракшая, ни ведуна он не увидел. Ракшая, ни ведунаrrrrr

* * *

Буер летел над твёрдой речной гладью со скоростью значительно превышающей скорость ветра. Коньки сопротивления не испытывали и парусник всё разгонялся и разгонялся. Крутых поворотов на Саранте было не много, потому резко тормозил Ракшай редко. Лёкса не захотела оставаться одна и сидела в лодке рядом с сыном. Они были хорошо укрыты от ветра дощатыми бортами и кожаным пологом, натянутым от носа до самого грота. В пологе были проделаны отверстия

для их голов, а сидели они в удобных креслах.

Санька нарисовал не классический крестообразный буер, а что-то типа плоскодонной лодки. Они поставили её днищем не на один, а на два бруса. Два конька стояло спереди на поперечной балке, рулевой конёк сзади. Им управлял Мокша. Сзади на буксире скользили такие же плоскодонные санки с нехитрым скарбом и пищевыми запасами. Они всё-таки решили прокатиться до Дона.

Буер селян удивил. Его Ракшай с Мокшей доделали к концу ноября. Сарант речка не широкая и замело её снегом по самые берега, потому и сделали буер плоскодонным, а коньки установили на лыжи. Они работали, как кили. Лыжи пришлось подпружинить дубовыми пластинчатыми рессорами. Причём Мокша додумался до них практически сам. Сначала к стойке жёстко крепилась «буквой т» рессора, а потом на шарнир ставилась лыжа. Рессора имела упор, дабы не сломаться и собой усиливала лыжу.

К такой конструкции отец с сыном пришли через череду поломок. Санька ведь тоже впервые делал буер. До этого он их видел только на люду залива во Владивостоке. И то в далёком детстве.

Они немного поэкспериментировали с рессорами, потому что это было самое слабое звено в конструкции буера. Пытались делать рессоры из стали, но сталь из того металла, что оставался у Мокши, получалась не пружинистая. Гнулась, или ломалась.

Потом Санька вспомнил про способ выдерживания дерева в моче и его прессовании. Это значительно повышало гибкость и прочность и лыж, и рессор. Им так понравился результат вымачивания и «гнутия», что они и для лодки выгнули несколько широких тонких досок, получив короб с загнутым вверх носом.

Уже ближе к устью лёд оголился, буер встал на коньки и путешественники почувствовали настоящую скорость. Они даже не сразу поняли, что проскочили лежащий на левом берегу городок и выкатились на просторы Дона.

– Йохо! – Крикнул Санька, как индеец апач и совсем отпустил тормоз. – Главное – держи руль и не поворачивай резко! – Крикнул он, поворачиваясь к отцу.

Тот показал сведённые указательный и большой пальцы правой руки.

Санька в прошлой жизни интересовался всем, что касается леса, и много чего знал про североамериканских индейцев. Даже язык жестов. Шипов лес на его участке имел всего лишь десять километров в ширину и двадцать в длину. Поэтому у него в «зимовье» имелся даже интернет и мобильная связь. А времени в межсезонье было предостаточно. Здесь лес простирался, как умом понимал Санька, до самого Воронежа. А это более ста километров. Почему он так решил? Да потому, что ведун рассказал ему историю местечка.

Как оказалось, по Дону лежал путь на Москву, которым раньше регулярно хаживало войско крымского хана, потому,

что всё вокруг были леса. И только по рекам зимой можно было пройти до Москвы. В селах имелись зимние запасы для всадников, а маленькие монгольские лошадки выкапывали корм из-под метрового снега.

С собой войско вело отары овец, которые с удовольствием обгладывали кору ближайших к реке деревьев, да так, что выедали целые рощи. Эти деревья и оставались потом русичам на прокорм до конца зимы. Берёзовая каша оказалась не вымыслом, а фактом. Санька уже пробовал её этой зимой. Её делали из слоя древесины между лубом и сердцевиной. Нарезали «чипсами», жарили на противне, перемалывали и варили. «Чипсы» тоже были ничего себе.

Об этом Ракшаю рассказал ведун. Вообще, Санькино обучение состояло из прослушивания устного народного творчества. Санька обычно говорил: «Ну, рассказывай свои сказки, легенды, тосты...», и шаман заунывным голосом начинал низвергать на ученика поток непонятных словосочетаний.

Санька и простую речь селян с трудом понимал, а стародавнюю тем паче. Мокша с Лёксой давали поблажку сыну, предполагая, что живёт он с медведями, потому и путается. А на самом деле Саньке мешало предыдущее прошлое знание русского языка.

Малолетний разум постепенно впитывал понимание речи, но селяне удивлялись непонятным словам, нет, да и высказывающим у Саньки.

– Оверштаг! – Крикнул Санька.

Он сам себе удивлялся. Совсем не морской, если не считать, что родился и учился во Владивостоке, он вдруг к месту вспоминал «морские» словечки и даже судовые термины.

Мокша плавно выведя буер под ветер чуть резче дернул руль, и гик перевалился на другой борт. Буер встал на правый конёк и Санька вынужден был выдвинуть направо страховочный брус. Брус упёрся в лёд, конструкция закрипела, но выдержала.

– Мокша! Ёшкин дрын! – Крикнул Санька весело. – Держи киль ровнее!

Он хотел сказать «руль», но и так получилось очень по-морскому. Саньке нравилось их путешествие. Они переночевали лишь однажды и то, лишь для того, чтобы не приезжать в Сарант в ночь. Переночевали почти с комфортом. Три кресла опускали спинки, а заднее ещё и выдвигалось вперёд, и становились удобными лежанками для троих. Укрывшись мехами, ночевалось ладно.

Городок стоял на левом берегу Саранта и левом берегу Дона. Стоял полдень и вышедшие на лёд постирухи ошеломлённо бросили стирку и заголосили на разные лады, размахивая красными от мороза руками. Тут же, откуда не возьмись, набежали ребяташки.

Ракшай налёг сначала на мягкий тормоз, а потом на жёсткий. Раздался жуткий скрежет, от которого заложило уши и едва не свело зубы, но буер встал у причала как вкопанный.

Санька выбрался из лодки через дыру своего люка и схва-

тив верёвку шустро побежал к столбику причала, на который верёвку и закрепил. Сзади, потягиваясь и разминая суставы, вылез громадный Мокша, зафиксировавший рычаг заднего стояночного тормоза в позиции «С».

– Глядикось, да это Мокша! – Крикнула одна из баб всплеснув руками. – То мой свояк с верхних выселок!

Бабы сразу притихли. Мокша подбоченился и, признав жену брата, чуть поклонился ей.

– Здорово живёшь, Марфа! – Пробасил он. – Как дети? Как Кавал? Как Микай?

– Дети? – Удивилась баба. – Да что им будет? Вон сопли на кулак мотают... А братья твои живы и здоровы. А это твой, что ли, первец? Сподобил наконец-то господь?

– Наш. Вон и Лёкса приехала.

Лёкса как раз вылезала из своего «люка». Живот у неё уже был приличный и Марфа, заголосив, непонятно почему, снова, ловко поспешила по скользкому льду к буеру. Её грузное тело встретилось с Лёксой и они припечатавшись к борту, обнялись.

– Не завалите мне лодью! – Вскричал Мокша, веселясь.

Вслед за Марфой на лёд поспешили бабы, а за бабами ребяташки. Ракшай едва успел спрятаться под возвышающимся примерно на метр над льдом причалом. Лёд за зиму нарос толстый. «Провалиться не должны» – подумал Санька, но на причал вылез.

– Глазеть, глазейте, но руками не трогать! – Крикнул Мок-

ша, но куда там.

Все только и делали, что щупали и трогали. Лыжи, конки под ними, болты и гайки, которыми прикручивались коньки. Сообразил всё-таки Санька, как накрутить внутреннюю резьбу. Детали типа винтов Мокша знал. А теперь научился делать и гайки. На два века раньше исторического факта. Но Санька, о том, что опередил время, не знал. Головку болта и гайку сделали четырёхгранными. А ещё Санька научил Мокшу сделать «гровер». Это такая подпружиненная шайба. Резьбы были не точны, а нагрузки на коньки значительные, и соединения без гровера откручивались. Шайбы сделали из бронзы. Её было у Мокши совсем немного, но на двенадцать гроверов хватило.

Мокша спокойно подошёл к упорной балке, далеко торчащей с правого борта, вытянул её, и с таким «демотиватором» двинулся на толпу. Он крутанул над головой восьмиметровую дубину, издавшую такой гул, словно заработал пропеллер вертолёта, и толпа моментально рассеялась.

– Не доводите до беды, бабы. Приберите малят.

Никого бить Мокша, конечно же не стал бы, но знал, что если не поставить ограничителей, народ растащит всё. Просто так. А после такого представления все поняли, что это имущество трогать действительно нельзя.

Как раз появились и мужички, и первыми спешили Мокшины братья: Кавал и Михай.

– Так их, Мокшаня! Гони на нас! – Крикнул Михай – са-

мый старший из троих братьев.

Они все трое были широки в плечах и узки в бёдрах, одинаково русы и густобороды. И Михай, и Кавал мяли кожи и шкуры. Жёны их шили шубы, шапки, кожаные чуни мехом внутрь и сапоги на мягкой подошве, подвязываемые к поясу. На такие сапоги надевались лапти и сапоги носились долго. У Мокши, Лёксы и Ракшая тоже были надеты такие сапоги с «галошами».

– Что за чудо чудное ты привёл, Мокша?! Словно птица летела! Я видел! – Спросил Кавал. – Так чолны не плывут!

– Но катятся! – Рассмеялся Мокша.

Ему было радостно от того, что он наконец-то увидел братьев и от того, что смог их чем-то удивить. Он был сильно младше и добиться их удивления дорогого стоило. Он забыл, что всё что им сделано это благодаря его малолетнему сыну и искренне гордился собой. Санька стоял и понимающе улыбался. Ему тоже было приятно, что они с Мокшей чуть-чуть другие.

Глава 5.

Если селян «выселок» буер удивил, то городок, где жили родичи Мокши, буквально встал «на уши». Пришлось договариваться со старостой и с местным ведуном. Первый не сделал практически ничего, зато второй провёл нужный обряд. О том с ним договаривался Ракшай, имевший пару посланий от своего ведуна, вырезанных на липовых дощечках.

Через три дня, положенные хозяевам для ублажения гостей, братья надели на Мокшу с вопросами, что, да как? Куда – вопрос игнорировался, так как считался несчастливым. Но когда узнали, что Мокша с семьёй просто прокатился в гости без выгоды, покрутили у виска.

– Ну может хоть сковал что-нибудь?

Мокша покрутил головой. Братья сплюнули.

– Стоило кататься пустопорожним?

– Новый струг спытали. Да и пути два дня-то! – Сказал Мокша.

– Как два дня? Даже по воде четыре...

– А у меня два. Да и за светлый день уложился бы.

Братья недоверчиво покрутили головами.

– А за два дня и мой старый струг путь по воде осилит.

Тут дело в ветриле.

– Что за струг? – Спросил Михай. – С таким же ветрилом?

– Да. Это Ракшай придумал.

– Странный малец у тебя какой-то. По росту велик, а по лицу дитя.

Санька за осень и зиму вымахал отцу по грудь. Это в три-то года!

– Слыш, Мокша! Казаки до вас не доходили по первому яру?

– Нет...

– Ходила ватага на стругах и под ветрилами вверх. Да вернулась без двух. К тому... Те, кто у нас стояли и ясак собирали, уже отбывали... Так те, кто на Сарант ходили, даже не остановились передохнуть, а с ними и ушли. Не знаешь ничего?

– Не, не знаю, – скрыл правду в усах Мокша. – До нас не доходили. Спужал ктось небось...

– Не ты, чай? – Хитро прищурив глаз, спросил Михай. – Про тебя у нас спрашали. Где, грят, кузнец знатный живёт, что острые сабли куёт?

– Не я.

– То посланцы князя московского были. Приходили к нам и выше. Просили ржи и овса больше засеять, да куны приготовить. Их войско хана победило. Обратном на Московию пойдут. С Тавриды возвращаются. Вот, ждём...

«Вот так казаки!» – Подумал Санька, который сидел тут же в хате, но в дитячем углу.

– Чего хотели? – Напрягся Мокша.

– Позвать с собой в Московию. Там, гряд, мало таких ковалей, чтобы ещё и самопалы нарезные тянули.

Санька удивился. Про самопали от Мокши он слышал, что, де «его лучше», чем те, что они забрали у убитых, а про винторезы нет.

– В Московию?! – Удивился Мокша. – Бегут оттуда людишки-то. Да и не крещёные мы в веру единого.

– А где ты коваля крещёного видел? – Усмехнулся Михай. – Вы – Перуновы дети.

– Так за то и побили кузнецов-то на Московии. А теперича сызнову призывают. А царь у них, гряд, дюже лютый в вере вашей.

Мокша покосился на угол, украшенный образами.

Браты тоже глянули наверх и осенили себя крестами.

– Един Бог, – сказал Кавал, – только имен у него много. Вот ты говоришь, Ракшай твой Велесовой благодатью наделён. Ну так и ладно! Но этот Бог, – Кавал кивнул головой в сторону образа, – общий. Он приходил на землю нас всех спасти. И он не отрицает других богов. Они дети его.

Мокша спокойно выслушал брата, но глаз на него не поднимал.

– Эх, – вздохнул и горестно выдохнул Кавал. – Да и ладно. Потом поймёшь.

– И то! Не будем ссориться! – Подхватил Михай. – Вино пить будем!

Кавал махнул рукой и разулыбался.

За столом, хоть и плотно, взрослые разместились все. Ребятишки, получив по куску пирога с рыбой, попрятались по углам, на печи да на полатах. Санька свой кус проглотил разом и заскучал. Тесно ему стало в небольшой хатёнке Кавала и он накинул кожушок, перетянулся поясом с ножнами, и вышел на воздух.

Солнце перевалило полдень и висело над холодно-голубым зеркалом Дона. Изба «дядьки Кавала» стояла на взгорке. Дворы братьев, объединённые одним невысоким забором напомнили Саньке территорию небольшой фабрики. Чаны с рассолом, чаны с краской стояли на печах. Кожу красили в охра. Несмотря на зиму, над производством стоял смрад кислоты и мочевины. «Летом здесь круто, подумал Ракшай». Он знал, как работать с кожей и шкурами, сам немного скорняжил когда был моложе. Одобрительно оценив механизацию «завода», Санька шагнул за калитку и тут же был окружён ребятнёй.

– Ну ты, кто такой?! Назовись! – пробасил один ломающимся голосом.

Санька обвёл всех взглядом и понял, что его тихо оттесняют от ворот дядькиного дома. Он положил левую ладонь на рукоять ножа. Не для того, чтобы применить, а для того, чтобы не выдернули. Однако, ребятня поняла его иначе, и раздалась в разные стороны.

– За нож взялся?! – Усмехаясь, переспросил парень. – Готов сечься?!

– Больной, что ли? – Спросил его Ракшай. – Не готов я сечься. С чего вдруг?

– А что ж тогда за нож взялся?

– А чтоб не выпал...

Они стояли напротив друг друга чуть согнувшись, готовые к драке. Ракшай долго просить себя не заставлял и кидался в драку по малейшему поводу. Он научился выключать «зверя» ещё в схватках с братом Умкой и сейчас не опасался показаться опасным для общества. Жизнь среди людей очень отличается от жизни в лесу. Санька это знал и не дал своему организму развиваться в эту сторону. А очень хотелось. Оскотиниться оказалось проще простого, чего Санька избежал с трудом и в той своей жизни, и в этой.

– А вот мы сейчас...

Парень, на вид ему было около двенадцати лет, мазнул себя по голенищу и вынул за рукоятку тонкое обоюдоострое лезвие.

– Охренел, что ли? – Спросил его Санька. – Ты, что, дерьма объелся?

– Я тебе покажу дерьмо, псёныш Перунов.

– У-у-у, – понял Санька, и выдернув нож, махнул им в сторону стоящих сзади ребятишек. Те отпрянули и Санька вырвавшись из окружения, метнулся вниз по улице в сторону реки. Сзади послышался топот и улюлюканье. Санька выбежал на лёд и остановился. Ребятня вывалилась толпой и покатила за ним, скользя на ногах. Санька стоял и молча

ждал. Потом он шагнул к первому, пропуская его мимо себя, и нанёс удар сбоку правой рукой, немного ускоряя ему скольжение.

Отшагнув в сторону, он встретил второго левой рукой, ударив рукоятью с тяжёлым намерением. Убить он не боялся.

Остальные, пытаясь остановить скольжение, замахали руками и повалились на лёд. Санька, ступая осторожно, но уверенно, подошёл к распластавшемуся жожаку.

– Вставай, если хочешь продолжить, но если встанешь, пощады не жди. Зарежу, как барана.

Парень смотрел не на лицо Саньки, а на его подбитые толстой кожей высокие чуни.

– Сопли! – Выдавил он из себя восхищённо. – У него сопли, робяты. Не чуни, а настоящие сапоги.

Он почему-то делал ударение на среднем слоге.

– Да с подковами!

Санька опешил от такого разворота событий. Похоже, жожак уже не жаждал схватки. Он кое как поднялся и стоял с трудом не оскальзываясь.

У Ракшай на чунях и вправду были набиты специальные подковки для ходьбы по льду и он чувствовал себя вполне устойчиво.

– Так не честно! Ты хитростью взял! – Рассмеялся парень.

– Хрена себе, не честно! – Выругался не зло Санька. – Мне насрать на честность, когда меня пытаются убить.

Парень смутился.

– Никто не пытался тебя... убивать. Попугать хотели.

– Это что у вас тут! – Раздался грозный крик.

Санька оглянулся на голос и увидел, что к их детской ватаге подъехали конные воины, а далее на берегу Дона уже расчищается снег и устанавливаются шатры. Множество шатров. Однако большого войска видно не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.